

Татьяна Юрьевна Соломатина
Роддом, или Жизнь женщины. Кадры 38–47
Серия «Роддом», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8337376
Соломатина, Татьяна Юрьевна Роддом, или Жизнь женщины. Кадры 38 – 47 : [роман]: АСТ;
Москва; 2014
ISBN 978-5-17-086367-9

Аннотация

Татьяна Георгиевна Мальцева – начмед родильного дома. Недавно стала матерью, в далеко уже не юном возрасте, совершенно не планируя и понятия не имея, кто отец ребёнка. Её старый друг и любовник Панин пошёл на повышение в министерство и бросил жену с тремя детьми. Преданная подруга и правая рука Мальцевой старшая акушерка observationalного отделения Маргарита Андреевна улетела к американскому жениху в штат Колорадо...

Жизнь героев сериала «Роддом» – полотно из многоцветья разнофактурных нитей. Трагедия неразрывно связана с комедией, эпос густо прострочен стежками комикса, хитрость и ложь прочно переплетены с правдой, смерть оплетает узор рождения. Страсть, мечта, чувственность, физиология, ревность, ненависть – петля за петлёй перекидываются на спицах создателя.

«Жизнь женщины» – четвёртый сезон увлекательнейшего сериала «Роддом» от создательницы «Акушер-ХА!» и «Приёмного покоя» Татьяны Соломатиной.

А в самолёте Нью-Йорк – Денвер главную героиню подстерегает сногшибательный поворот сюжета. И это явно ещё не финал!

Содержание

Кадр тридцать восьмой	5
Кадр тридцать девятый	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Татьяна Юрьевна Соломатина

Роддом, или Жизнь женщины

Кадры 38–47

© Соломатина Т.Ю.

© ООО «Издательство АСТ»

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Кадр тридцать восьмой Ад

Татьяна Георгиевна Мальцева ходила по комнате взад-вперёд, раскачиваясь, как старый еврей на молитве или, если угодно, как Лобановский на тренерской скамье¹, и монотонно бубнила:

– Мы были там, – мне страшно этих строк, – где тени в недрах ледяного слоя сквозят глубоко, как в стекле сучок. Одни лежат; другие вмерзли стоя...

Щёлкнул замок входной двери.

– Кто вверх, кто книзу головой застыл...

Зажурчала вода в ванной комнате.

– ...В безмолвии дальнейшем путь свершив и пожелав, чтобы мой взгляд окинул...

Вошла детская медсестра и аккуратно приняла из рук Татьяны Георгиевны хорошенькую здоровенькую полугодовалую девочку в пижаме-комбинезоне.

– Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу... – начала «сменщица» мамы.

Татьяна Георгиевна, недовольно поморщившись, тихо вышла в коридор.

– ...Того, кто был когда-то так красив, – печально глядя на своё отражение в зеркале, завершила она трёхстишие песни тридцать четвёртой. – Тупоголовая кретинка, за такие деньги можно было уже «Войну и мир» выучить наизусть! – прошептала Мальцева, становясь под душ.

Медработница отнюдь не была тупоголовой кретинкой. И со своими непосредственными обязанностями высококвалифицированной няньки справлялась на «отлично с отличием». Просто Татьяна Георгиевна находилась в состоянии страшного раздражения. И никак не могла выспаться. Вот уже полгода не имела возможности как следует отдохнуть. Её драгоценное чадо, Марья Матвеевна Панина, могло без продыху орать часами напролёт. Замолкала дочь только на руках, когда её укачивали, мерно декламируя... «Божественную комедию» Данте Алигьери. Да-да, именно «Божественную комедию». Когда были опробованы тома колыбельных, несколько полок детских песенок и тетешек, километры нотных пропи-

¹ Писала я недавно сценарий. Главный персонаж, нервничая, раскачивался. Это достаточно распространённая людская «дурная привычка», вовсе не свидетельствующая ни об аутизме, ни о шизофрении и проч. Просто ещё один способ нормализовать расшалившиеся «нервные токи». Молитва, к слову, тоже является не чем иным, как медитативной практикой. Второстепенный персонаж, ещё не знакомый с таковыми манерами центрального героя, интересуется: «Что ты раскачиваешься, как старый еврей на молитве?» На что редактор мне заявляет: «Уберите! Неполиткорректно! Канал не пропустит!» Я, недоумевая, чем это слово «еврей» хуже слов «русский» или «эвенк», тем не менее иду на поводу у редактора и меняю на: «Что ты раскачиваешься, как Лобановский на тренерской скамье?» Редактор попуайничает: «Уберите!» Этого-то за что?! «Зритель не помнит Лобановского!» Понятия не имею, как главный персонаж раскачивается в окончательном, экранизированном варианте, очень даже может быть – как колокольчик на ветру. Но дабы восстановить честь поправленного политкорректностью еврея и достоинство оскорблённого склерозом аудитории Лобановского, отливаю их в бумаге. Они этого заслуживают вопреки всем абсурдным веяниям и параноидальным тенденциям.

сей маршей, гимнов и даже несколько узкоспециальных молитв, Мальцева в отчаянии произнесла – самой себе:

– Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь во тьме долины...

И голосистое неугомонное дитя внезапно умолкло и посмотрело на мать с осознанным любопытством. Татьяна Георгиевна запнулась и удивлённо уставилась на всего лишь тридцатидневную – тогда – дочь. Та немедленно возмущённо заорала вновь.

– Каков он был, о, как произнесу, тот дикий лес, дремучий и грозный, чей давний ужас в памяти несу! – испуганной скороговоркой выпалила Мальцева. И кроха тут же погрузилась в довольную дрему.

Так с тех пор и повелось.

Но высококлассная опытная детская медсестра, нанятая для присмотра и ухода, дальше песни первой никак не могла продвинуться. И вообще считала это блажью. О чём громко заявляла вслух. Не при Мальцевой, разумеется. А оставаясь наедине с малюткой Марией Матвеевной Паниной – первой и единственной дочерью «пожилой» матери, – только ту самую первую песню «Божественной комедии» и гнула, диву даваясь, что это за ёлки-палки и почему больше ничего не работает. В любом случае – блажь! Что у старой, что у малой. Обе с сорванной резьбой. Жалко Панина. Роскошный мужик!

Старой Татьяна Георгиевна Мальцева не была. Ей было всего сорок пять лет. Но для первого ребёнка многовато, кто бы спорил. А вот для начмеда по акушерству и гинекологии крупной многопрофильной больницы – вполне терпимо. Её бывший любовник и старый друг Семён Ильич Панин ушёл в министерство, на должность зама по вопросам материнства и детства, ещё когда Мальцева была беременной. Сама она полагала, что вынашиваемый плод завязался в результате совместных утех с молодым мужчиной, интерном Александром Вячеславовичем Денисовым. Но Панин выяснил то, что выяснил, и...

И тут будет уместно вернуться на полгода назад, дабы не слишком нарушать логику повествования.

* * *

...Замминистра здравоохранения по материнству и детству Семён Ильич Панин прооперировал начмеда крупной многопрофильной больницы по акушерству и гинекологии Татьяну Георгиевну Мальцеву. А чьим ещё рукам она могла безоговорочно довериться? Пуповина плода Татьяны Георгиевны была опасно короткой, и в роды её никто не пустил. Она сама была против, в первую очередь. Консервативное родоразрешение в её возрасте при подобной клинической ситуации? Увольте! Так что с началом родовой деятельности она позвонила Панину, и...

И через час после прошедшей без осложнений операции Семён Ильич стоял в боксе детского отделения и задумчиво взирал на новорождённую девочку. Он всегда хотел девочку. Но Варвара рожала ему мальчиков. У него было трое сыновей и не было дочери. А Мальцева, сука, забеременела от этого мальчишки – и вот, пожалуйста! Нет, он не знал наверняка, что от мальчишки. Но сказано ведь: «Не от тебя!» Да и по срокам выходит – что не от него. Ну не сорок три недели же она носила!.. Хотя признаки переноса были. «Руки прачки». На истинно переносенную ни состояние плаценты, ни состояние новорож-

дённой, конечно, не тянут. Но есть ещё беременность пролонгированная! И та может длиться хоть сорок пять недель! Исследования ВОЗ² говорят, что чуть не десять процентов общего количества беременностей – пролонгированные. И встречается пролонгированная беременность в основном у женщин старше тридцати пяти. А Танька куда как старше!

Панин пошёл в лабораторию, благо была ночь. Немного потоптался... Затем решительно набрал у себя из вены кровь, так яростно затянув зубами жгут над локтевым сгибом, что преболело получил резинкой по морде. Разыскал пробирки с пуповинной кровью младенца Мальцевой. Ещё немного потоптался. И занялся делом.

...Удивительно, как эта гадина потрясающе выглядит! – отметил он про себя, зайдя позже к Мальцевой в палату. Как будто не полостную операцию перенесла, а... А у неё всегда так: чем хуже, тем лучше. Глубоко залёгшие тени, некоторая измождённость и очевидная слабость делали её прекрасной.

Панин присел рядом. Взял её руку и нежно поцеловал.

– Ты как?

– Всё нормально, Сёма...

– Таня, я тебя люблю.

– Я знаю...

– Прекрасная малышка...

– Я в курсе, Ельский сказал, что она, тьфу-тьфу-тьфу, здорова. Он мне её приносил.

– Нет, это самая прекрасная новорождённая малышка из всех, которых я принял. Я когда смотрю на неё – у меня лактация начинается. Всё-таки внуки – это внуки. Когда я смотрю на Алёшкину дочь, меня не так штормит. Внуки есть внуки, – со значением повторил Панин и пристально посмотрел на Мальцеву. – А дети есть дети... У нас прекрасная малышка, – отчеканил он.

Татьяна Георгиевна посмотрела на него с недоумением.

– Есть такая штука, – немного ёрнически начал он, – ПЦР³-анализатор. Ну, ты в курсе... С его помощью можно с вероятностью девяносто девять и девять десятых процента сказать, кто является отцом. Так что поздравляю нас, моя дорогая. Теперь мы мама и папа. Я ждал этого всю жизнь. И жизнь немалую. Я даже рад, что только что узнал. Тебя бы я никому не доверил, но я не мог бы быть по обыкновению хладнокровен, зная, что извлекаю на свет божий собственную дочь. И будь добра, не лишай её отцовской фамилии, отцовского отчества и собственно отца, дрянь ты эдакая! Иначе я тебя всего на свете лишу!

Последнее было сказано твёрдо и жестоко. Затем Панин наклонился к онемевшей Мальцевой, нежно поцеловал в слегка синеватые пересохшие губы и вышел из палаты⁴.

Было тридцать первое декабря.

С наступающим Новым годом! С наступающим новым счастьем!

Долгие годы ночь с тридцать первого декабря на первое января всегда была ночью Мальцевой и Панина. Её не интересовало, как ему это удавалось. Так было – и всё. Так было всегда после смерти Матвея. Совершенно непонятно, как Панин объяснялся с законной супругой Варварой Андреевной. Возможно, что и никак. А уж теперь-то... Панин ушёл от Вари. На сей раз ушёл всерьёз. Можно ли утверждать, что «окончательно и навсегда»? Кто

² ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения.

³ ПЦР – полимеразная цепная реакция, «считывает» ДНК – дезоксирибонуклеиновую кислоту, «флешку», содержащую генную информацию.

⁴ Предыстории всех героев и перипетии развития сюжета см. в книгах Татьяны Соломатиной «Роддом. Серил. Кадры 1–13», «Роддом. Серил. Кадры 14–26» и «Роддом, или Поздняя беременность. Кадры 27–37».

может сказать? Во всяком случае, на сей раз он от неё ушёл так, что она поняла: муж ушёл. Её Сеня, отец их троих детей и дедушка их внуки, – ушёл. И даже не к другой. Поначалу. Сперва он просто ушёл от Вари. Пошёл на повышение, в министерство. И немедленно же ушёл от Варвары Андреевны. Купил однокомнатную квартиру – и ушёл. Бросил её на старости лет. Сказал, что хочет жить один. Не побыть один. А жить один. Вот так-то! Варя не могла понять, что происходит. Если бы он ушёл к бабе – ей было бы легче. А при таком раскладе Варваре Андреевне стало невыносимо тяжело. Именно из-за того, что «просто ушёл». Ни к кому. Некого винить. Нет образа врага, позволяющего чувствовать себя несправедливо растоптанной. Быть справедливо растоптанной – куда как более жестоко. Варя страшно мучилась. Она сама не подозревала, что способна испытывать подобное. Бесконечную ноющую пустоту. Лучше бы убил. Там хотя бы ничего. А если что-то и есть – то хуже вряд ли будет. Получается, вся её жизнь – зря? Подделка?! И жила она не так, и детей учила не тому? Особенно учитывая то обстоятельство, что как раз только-только старший сын расстался с молодой женой и новорождённой дочерью и переехал к операционной сестре из «травмы». Из собственной отдельной квартиры в приличном районе на неблагополучную окраину за Третьим кольцом, в съёмный клоповник! На все её увещевания кричал, что не собирается всю жизнь прожить, как она, – во лжи. Обвиняет мать, что она жила во лжи. Распущенный мальчишка! Что он знает о правде и лжи? Растить детей – вот единственная правда матери! Обеспечивать их здоровье, благосостояние и комфорт любой ценой! Даже ценой собственных страданий. Мать – это подвижничество. Отец – это подвижничество! А не по доступным женщинам прыгать! Жена ещё Лёшкина, дура малолетняя, упёрлась: даже если на коленях приползёт – не прощу! Хорошо ей «не прощать», когда живёт на всём готовеньком и жилплощадь у сына отжала. Тоже дрянь! Но надо улыбаться и угождать. Иначе к внушке пускать перестанет. Рушится всё, что Варвара Андреевна создавала столько лет. Всё, что было ей дорого. Накопление, очаг, уют, семья. Старший сын – чужой человек. Средний и младший – в Англии, уже через раз русские слова забывают. Варя запуталась и ничего не понимала. С пониманием было бы легче. Даже если больнее и обидней. Непонятное же нас страшно пугает. Надпочечники не знают, чего бояться, и продуцируют очищенный вселенский ужас. Лимбическая система не распознаёт, что оплакивать, и рыдает за всё про всё и ещё немного про запас. Вот, например, что это значит: «хочу жить один»? С одной стороны, вроде бы всё предельно просто. Семья, трое детей и внука, и хотеть иногда побыть одному – это да, понятно! А вот «хочу жить один» – совершенно непонятно и не уместается в сознании. Варвара Андреевна гоняла мысли и чувства по кругу, незаметно опускаясь с привычных высот. Зачем убирать на кухне и причёсываться, если дома никого нет? Семён Ильич исправно переводил ей деньги на банковскую карту, но она, казалось, этого даже не замечала. Что ей покупать? Зачем?! Мальчикам школу он оплачивал сам. Иногда звонил узнать, как у неё дела. Какие дела? После его звонков становилось ещё хуже... Он, похоже, совершенно не страдал. Напротив – был счастлив. Как выяснилось чуть позже – ему наконец-то родили долгожданную дочь. И кто?! Та, которой он никогда не был нужен! Та, которая растоптала его ещё в юности! Та, за которой он всю жизнь ходил хвостом, как ручная собачонка! Та, у которой Варя его подло украла, воспользовавшись ситуацией, а затем и наступившей по неосмотрительности беременностью... Не оттого ли тебе в зеркало не хочется смотреть, Варвара Андреевна?

У Семёна Ильича поначалу имелся вялотекущий роман с начмедом по терапии, но это был очевидный эрзац. Фальшивка. Начмед по терапии оживилась, узнав, что Семён Ильич ушёл от законной супруги. Даже предприняла ряд активных наступательных действий, которые привели к окончательному разгрому этих и без того хрупких и нелепых отношений. И Новый год Семён Ильич собирался в кои-то веки справить в гордом одиночестве. Многие

переосмыслить под телевизионный бой курантов. Или быстро тупо напиться, чтобы ничего как раз не переосмыслять и даже не успеть попытаться. Но вечером у Мальцевой начались схватки – и он понёсся её оперировать.

И узнал то, что узнал.

И сказал то, что сказал.

И вышел из палаты.

Было без пяти полночь, когда замминистра по материнству и детству снова в палату ввалился. Именно ввалился – иначе было и не назвать. Потому как всегда элегантный, опрятный, подтянутый Семён Ильич напоминал пресловутого Ипполита всея Руси. Панин был расхристан, зло печален и в дупель пьян.

– Змея ты, Танька! Подколотная! – с хмельным скоморошным надрывом выкрикнул он. И осёкся. Осознав скорее телом, нежели мозгом, что палата полна народу.

Помещение, где в лёгком медикаментозном дурмане лежала на функциональной кровати Татьяна Георгиевна в первых сутках послеоперационного периода, было чуть не битком набито людьми в белых халатах и разноцветных пижамах. Все хотели поздравить начмеда немедленно. С рождением дочери и, разумеется, с Новым годом. Святогорский, примчавшийся на оказание анестезиологического пособия своей старой подруге (а теперь ещё и начальнице), торчал посредине просторной палаты ОРИТ⁵ (куда перевёл Мальцеву из родильно-операционного блока вовсе не по показаниям, а для пущего контроля) с полным бокалом шампанского в руках.

– Сёма, тсс! – сурово сдвинув брови, шикнул он на Панина. Все остальные и так замолчали, узрев прежде высокое, а ныне – так и вовсе заоблачно высочайшее начальство в несколько неподобающем виде. – Семён Ильич, это отделение реанимации и интенсивной терапии! Здесь свежая кесарская женщина! И вы все тоже! – несколько театрально обратился он к публике. – Тут вам не кабак! И не номера! – Святогорский внезапно замолк. – Что-то это мне... – Заведующий «взрослой» реанимацией родильного дома, врач реаниматолог-анестезиолог высшей категории, доктор наук Аркадий Петрович Святогорский несколько растерянно посмотрел на кардиомонитор. – Что-то это мне напоминает... Ну как же! Точно! – хлопнул он ладонью по лбу и начал декламировать хорошо поставленным голосом профессионального лектора: – *«С утра до ночи комната моя оказалась набитой народом. Было, вероятно, весело. Приносили цветы, конфеты, которые сами же и съедали, болтали, курили, любящие пары назначали друг другу randevu на одном из подоконников, делились театральными и политическими сплетнями. Часто появлялись незнакомые мне личности, но улыбались и угощались совсем так же, как и знакомые. Я чувствовала себя временами даже лишней в этой весёлой компании. К счастью, на меня вскоре совсем перестали обращать внимание. – Может быть, можно как-нибудь их всех выгнать? – робко жаловалась я ухаживавшей за мной В.Н. Ильнарской. – Что вы, голубчик, они обидятся. Неловко. Уж вы потерпите. Вот поправитесь, тогда и отдохнёте».*

– Ккка-кой ещё Вэ Эн Ильнарской? – спотыкаясь языком о небо, уточнил Панин, диковато глянув на Святогорского.

⁵ ОРИТ – отделение реанимации и интенсивной терапии.

– Таккк-кой! Из «Воспоминаний» Тэффи. Тэффи в Ккк-киеве подхватила «испанку»⁶, и сочувствующие стали её навещать в гостиничном номере. Доккк-ктор долго удивлялся на её обиход, спрашивал, не бал ли у неё...

Пока Аркадий Петрович, не скупясь на передразнивания, напоминал Семёну Ильичу, честно пытавшемуся собрать глаза в кучу, давно забытую классику, медперсонал спешно и неслышно эвакуировался на рабочие места. Святогорский сделал дежурной анестезистке глазками: ввести Мальцевой кое-чего в жилу капельницы. Затем ладошкой помахал: «и ты пока свободна».

За окнами грянул, грохнул, взорвался, рассыпался салют, возвещающий о рождении новой точки отсчёта.

– И вот мы опять втроём, как сто лет назад, молодые и дурные, и много раз позже, старея, но не умнея, встречаем Новый год в родильном доме, – пробормотал зав ОРИТ, глядя в окно с некоторой тоской. Которую, впрочем, немедленно стряхнул. – Семён Ильич, с Новым годом! С новым счастьем! – анестезиолог протянул ему свой бокал шампанского. И, подхватив чей-то с подоконника, чокнулся со старым другом.

– С Новым годом, Аркадий Петрович! С новым счастьем! – на автомате ответил Панин. Они сделали по плотку.

– Так! – критически оглядев замминистра, Святогорский уже безо всякого шутовства скомандовал: – Сними пальто, надень халат и сядь за стол.

– Я хочу с ней поговорить! – нервно просипел Панин.

– Поговоришь. Когда ты будешь трезвый, а она – не под морфином.

Семён Ильич с болью, с обидой, с любовью и нежностью посмотрел на Татьяну Георгиевну.

– Ей в сознании на меня так же наплевать, как и в забытии.

– Семён, ты не прав!

Аркадий Петрович помог Панину снять пальто, подал белый халат и усадил за стол. Семён Ильич мрачно уставился на Святогорского.

– Ну?!

– Баранки гну! Я чего-то подобного и ожидал. Тут к гадалке не ходи. Потому и домой не ушёл. Да и всё равно дома, кроме салата оливье, поздравлений президента и вечного недовольства моей дорогой супруги, исполняющей обязанности всевышнего⁷, – ничего. А ты бы тут без меня устроил новогодний огонёк в старых добрых кавээновских традициях. Не отмылся бы потом. Тебя же все боятся. Это с одной стороны. С другой – так и ждут, как бы подножку из-за угла попроворней поставить. Спотыкаясь, ты облегчаешь недоброжелателям жизнь. Ты же умный мужик! Какого лешего, скажи мне, ты сюда припёрся? Да ещё и в таком виде?

– Аркаша, это моя дочь! – Панин всхлипнул.

– Ну дела... – протянул Святогорский, но тут же жёстко сфокусировался на товарище. – Семён Ильич, прежде всего – её дочь! Давай честно, пока нас никто не слышит: если бы ты хотел быть с ней – давно бы был!

– Я хотел! Это она...

⁶ Очень агрессивный штамм вируса гриппа, свирепствовавший в начале двадцатого века по всей Европе и унесший миллионы жизней. Пандемия началась в Испании – отсюда и крепко прижившееся название.

⁷ Жена Святогорского заведует отделением инвалидов Отечественной войны (ИОВ). Отсюда и прозвище, построенное на обыгрывании аббревиатуры ИОВ («исполняющая обязанности всевышнего»), полностью соответствующее её характеру.

– Вот не надо! – резко оборвал Аркадий Петрович. – Сёма, я же сказал: честно. Ты всю жизнь прятался за этим твоим «это она...». Она такая, какая есть. И ты такой, какой есть. Передо мною-то комедию не ломай. Тебя всё устраивало.

Панин с тоской посмотрел на Мальцеву.

– Семён, я тебе сейчас унитиол по вене пушу. – Святогорский уже заправлял капельницу. – Для профилактики острого алкогольного психоза. Не то ты уже в полушаге от делирия. И кофейку крепкого сварю. И потом мы оба с тобой уйдём. Предоставив пациентку дежурной смене. Уйдём – и до утра не расстанемся. Договорились? Закатай рукав.

Панин послушно кивнул и начал бороться с непокорными рукавами халата и рубашки.

– В правую. Левую я сегодня уже колол. Там гематома. Я подам в суд!

– На кого?! На гематому? Или на того, кто, пользуясь служебным положением, делает несанкционированные тесты на отцовство? Руку сожми в кулак, мудак.

– На неё! – Панин несколько оторопело уставился на иглу, вошедшую ему в вену. – Надо же, не больно совсем! Когда я сам себя колол – было невыносимо больно. Я же страшно боли боюсь, Аркаша.

– Это мы все хорошо знаем. Что ты боли боишься. И я знаю. И она, – Святогорский кивнул на спящую Татьяну Георгиевну.

– Ничего она не знает!

– Сёма, хватит надрыва на сегодня, ладно? Сделай паузу. Следующий надрыв – на старый Новый год. Я к тебе завалюсь в гости, в твою холостяцкую берлогу. Там и повоешь. За плотно закрытой входной дверью. Сегодня – не то место. И не то время. И ни в какие суды ты не подашь. На что ты в суды подавать будешь? На то, что Мальцева за тебя замуж не пошла?

– На совместную опеку над дочерью!

– Для начала надо добиться судебного предписания на определение отцовства. Его не так просто получить. Твои самостоятельные лабораторные упражнения никакой законной силы не имеют. Кроме того, напоминаю, ты – замминистра. Заместитель министра здравоохранения по материнству и детству. Большой человек. Тебе половая шумиха ни к чему. А шумиха будет, если ты решишь на принцип пойти таким некрасивым образом. Ты Таньку очень хорошо знаешь. Её только по шерсти можно гладить. Если против... Ты в курсе. В курсе – и всю жизнь никак с её шерстью управиться не можешь! – Анестезиолог коротко хохотнул. – Ты и так-то на должности всего без году неделя, а уже от жены ушёл. Нехорошо для репутации!

– Полгода я уже на должности! Говно, а не работа! – фыркнул Панин. – А что от жены ушёл – всем это до одного места. Не те времена! У нас даже президент развёлся – и ничего. К тому же я с Варей не разводился. Официально. Может, у меня гостевой брак! В соответствии с современными тенденциями.

– Вот об этом я и говорю, Семён Ильич. Лицемер ты, каких мало, – спокойно прокомментировал Святогорский. – Ушёл. Квартирку купил. Но официально не развёлся. Варя – проверенный запасной аэродром. Надёжный! Решишь групповушку устроить – так она покорно на кухню посидит, а после – всем участницам ещё и кофе сварит, и бельишко простирнёт.

– Ну ты это... Уж не так... Не такой я подлец, – с несколько детским сомнением тихо возразил Панин и от чего-то отмахнулся свободной рукой. – Да давно бы я развёлся! Но как представлю... Это же с Варварой встречаться надо. Какие-то бумаги подписывать. Она же мне в глаза смотреть будет, как побитая брошенная шавка. Я же с ума сойду! Если бы она скандалила, требовала чего-то... что-то... Но она же только молча смотрит с этой долбаной всепрощающей любовью и животной преданностью – и я сразу чувствую себя бездушным подонком, искалечившим добрую беззащитную псину!

– Повторяемся, да? Трус, боящийся боли. Все в курсе.

– У меня не было жены. Я всю жизнь прожил с преданной собакой! И на старости лет я выбросил её на помойку. Я и есть подонок! – Панин опустил голову.

– Кажется, делирий совсем близко. Ты мне ещё тут заплачь! Взрослый уже дяденька. Замминистра. Отец троих... Пардон, четверых детей. Дедушка. А как будто двойку получил, – насмешливо резюмировал Аркадий Петрович. – Кстати, если ты не в курсе, то твоя законная супруга всю жизнь считала тебя преданной собакой. Вопрос тут не в том, кто из нас собака. Вопрос в том, кому собака предана. Танька, вон, покойнику всю жизнь беззаветно предана. И потому – тоже собака. Хотя нет, была бы она собака – она бы легла на его могилу и издохла. Так что давайте все вместе прекратим обижать собак!

– Всё равно, дочку ей не отдам!

– Собаке?

– Таньке!

– А кому отдашь? Варваре Андреевне? Она примет. И слова тебе не скажет. И даже воспитает. Кто бы спорил. Только Таньку ты как из этого уравнения исключишь, Рэт Батлер ты наш недоделанный? Так что не иди ты ни в какие суды. Пойдёшь – дочку не увидишь. Руку дам на отсечение.

– Маша Панина! – вдруг, резко выдохнув, подскочил Семён Ильич и мечтательно уставился в законные чёрные небеса, где ещё расцветали запоздалые фейерверки.

– Сядь бога ради! Не то и на втором предплечье гематома будет, – осадил его Аркадий Петрович.

– Я всегда хотел, чтобы мою дочку звали Маша. Маша Панина! – капризно повторил Семён Ильич.

– Договорились, – примирительно сказал Аркадий Петрович. – Только с Татьяной своими чаяниями не делись, не то Анжелой тебе в пику назовёт. С неё станется. Или Матильдой. «Кто мо-о-ожет сравниться с Матильдой моей!..»

– «Сверкающей искрами чёрных очей...» – подхватил Панин. – Не-е-е... У Маши Паниной будут ярко-бирюзовые глаза, как у обожаемой мерзавки Танечки! – он засюсюкал дешёвым повидлом.

– Раз тебя потянуло на Петра Ильича Чайковского и телячьи нежности, пора сматываться. Хотя, собственно, и приматываться не стоило.

До самого утра старые друзья в холостяцкой берлоге Панина разговаривали, пели и, разумеется, пили.

На десятые сутки послеоперационного периода Татьяна Георгиевна Мальцева была выписана с младенцем под наблюдение женской консультации и участкового педиатра. Её все эти формулировки безумно забавляли. Никак не получалось прилепить к себе, к действующему заместителю главного врача по акушерству и гинекологии огромной многопрофильной клиники, фактически главного врача родильного дома, стандартное «под наблюдение ЖК по месту жительства» и тем более «участкового педиатра». Она и ребёнка-то никак на себя примерить не могла. Жила сорок с лихвой лет на свете. Детей никогда не хотела. Возможно, если бы у них с Матвеем «случайно получилось» – она бы родила. И обожала бы «незапланированного» ребёнка. Это же был бы ребёнок Матвея! Когда Матвея не стало – она поняла, что очень хочет от него ребёнка. Но, как человек разумный и тем более как врач, осознала, и очень скоро, что это «хотение» – суть тоска по Матвею. И будь у неё ребёнок от Матвея – самого Матвея это бы не воскресило. И не заменило бы. Слишком много «бы». Чего не было – того и быть не могло. Полюбит ли она этого ребёнка? Эту девочку? Конечно, полюбит! Она её уже любит. Она выносила этот плод. Ребёнка извлекли из неё... Чёрт, на кой вспоминается «Чужой»?! Это просто возраст и кесарево. Она любит свою дочь!

Точка. Просто у неё никогда прежде не было детей, и она понятия не имеет, как их надо любить. Вот этого, тысячи тысяч раз наблюдаемого в родзале, когда самая распоследняя сука и тварь вдруг внезапно становится сгустком любви, прижимая к себе новорождённого человека, в слизи и в крови, – у неё не было. Взрыва сверхновой – не случилось. Возраст и кесарево, Татьяна Георгиевна. Возраст, кесарево, устоявшийся образ долгой жизни без детей – и ничего более. Ты любишь свою дочь. Просто обожаешь! Это что, самовнушение, Татьяна Георгиевна? Возможно, ты – инвалид. У тебя фрагментарный дефект чувственности. Есть же зрячие люди с нарушениями цветовосприятия. Они не слепые – просто видят иначе. Вот и ты не бесчувственная. Просто чувствуешь по-другому. Любила же ты, Татьяна Георгиевна, Матвея? Любила. Или он тебя любил так, что тебе ничего не оставалось, как придумать свою любовь к нему? Хватит очередного потока сознания, ни к чему не приводящего. Есть дочь. О ней надо заботиться. Иногда это важнее любви. Матвей о тебе заботился. Заботился так, как ни до него, ни после не заботился никто. Да-да, включая маму и папу, которые тебя любили, потому что все любят своих детей. Поэтому заменяй слово «любовь» словом «забота» – и вот ты уже нормальный человек. Ездят же дальтоники не на «зелёный», а на «нижний». Тут главное не слова, а действия. Основополагающее, главное действие любви – забота. Так что просто не надо путаться в мыслях и словах. Надо жить. Там. За стенами роддома. Особенно когда тебя уже «выписали под наблюдение ЖК по месту жительства».

Выписать-то выписали. Оксана Анатольевна Поцелуева страшно веселилась, выпи-сывая домой собственного начмеда. Как временно исполняющая обязанности. Того самого начмеда. Исполняющая обязанности начмеда старший ординатор отделения патологии... то есть уже заведением наблюдения... и даже временный начмед! – выписывает официального начмеда «под наблюдение ЖК». А младенца выписывает Ельский. «Под наблюдение участкового педиатра». Вроде как высший инженерный состав завода «Форд» рекомендует курировать свою продукцию у автослесарей на станциях техобслуживания «жигулей». Самой Татьяне Георгиевне было совершенно не смешно. Её объял первозданный ужас, и все ментальные усилия она тратила на подавление этой пещерной эмоции. Ей не было страшно во время беременности. Времени не было на страх. Она совершенно не боялась операции (разве что чуть-чуть, потому как общеизвестен факт: когда свои для своих стараются – и перестараться ненароком могут). После её напугал разве что Панин с его внезапными открытиями. Она сама ещё не поняла, если честно, как относится к тому, что её дочь оказалась Сёминой дочерью. Не хотела об этом думать. Она решила для себя, что её позднее дитя – ребёнок Матвея. Матвея и только Матвея. Бред, конечно же. Но учитывая обстоятельства зачатия и кое-что, произошедшее с нею в первом триместре... Бред, бред и ещё раз бред! Главное – никому не говорить. Даже Маргоше. Особенно Маргоше. Та тут же сольёт Панину. Тот моментом отправит к психиатру. Психиатр объявит невменяемой. Как с куста. Тут тебе не психологические разводы на бабки. Тут всё сурово, как арматура. Никому не объяснишь, что придумала «Матвееву дочь», чтобы вызвать в себе ту самую, сверхновую любовь. Чтобы инициировать создание чувственного сгустка. Разумеется, она понимает, что её дочь – не дочь Матвея. Она и не отрицает, что это бред. Ничуть не меньший, чем то, что её дочь – дочь Панина. То, что её дочь – дочь Панина, укладывалось в голове гораздо хуже, чем то, что её дочь – дочь Матвея. И вообще – это только её дочь! Больше ничья! Её собственная единоличная дочь! В роддоме со всем этим было не так неудобно. В отдельной палате ей было обеспечено максимально комфортное пребывание. Абсолютно здоровое, хотя и чуточку излишне голосистое дитя было окружено пристальным вниманием и дотошным уходом. И неонатологи и детские медсёстры в очередь стояли услужить начмеду и её кровиночке. И вдруг – домой. Вот паника и набросилась. Как домой? Почему домой? Что она будет дома делать одна с этим крохотным существом? Существо вопит, писает, какает, спит и ест. Татьяна Георгиевна Мальцева – действующий заместитель главного врача по акушерству и гинекологии

крупной многопрофильной больницы. Ей на работу надо! И так уже десятидневный перерыв. Хотя Оксана к ней в палату постоянно гоняла по различного рода административным и лечебным вопросам. Мальцева на девятый день послеоперационного периода (собственного!) уже осмотр всех проблемных и потенциально проблемных беременных, рожениц и родильниц осуществила. Благо, девочка в детском. Ельский её Мусей называет. Потому что Татьяна Георгиевна свою дочь всё ещё никак не назвала. И не только Ельский. Панин её Мусей называет. Панин и начал «муськать», Ельский подхватил. Сёма из министерства прикатывает понянчиться. Каждый день. И по ночам торчит. Весь роддом дочурку Мальцевой Мусей называет. Что это? Имя или кличка? И на фоне всей этой каши – домой?! В четыре стены один на один с непонятным существом?! Мама Татьяны Георгиевны умерла. Да и будь матушка жива, вряд ли бы Мальцева обратилась к ней за помощью. Как ни стыдно признаться, она испытывала облегчение, что к тому моменту, как сама стала матерью, свою собственную родительницу уже похоронила. Иначе было бы не миновать благих намерений, которыми известно куда дорога вымощена. Никто с такой разрушительной страстью не умел причинять добро, как покойная матушка. Татьяна Георгиевна вздрагивала от одной мысли, что у её дочери могла быть такая бабушка. Много пользы принесли невестке Панина Кате сумасшедшая мамаша и не в меру заботливая свекровь? Нет. Зато вреда уже столько, что экскаватором не разгрести. Уж лучше чужому человеку заплатить, чем с родными лоскутами от собственной порванной души рассчитываться. Так что царствие матери небесное и спасибо, что миловал. Кто ещё может помочь? Марго? Она и так делает для Татьяны Георгиевны больше, чем один живой человек может сделать для другого живого человека. К тому же Маргарита Андреевна действующая акушерка родильного зала и старшая акушерка отделения. Не говоря уже о том, что к ней как раз прикатил колорадский фермер, коего так удачно сосватал ей Аркадий Петрович Святогорский, теперь ещё и переводчиком при Маргоше состоящий. А потому что не твори добро, ага! Сразу чужого человека на службу вызывать? У Татьяна Георгиевны всего лишь однокомнатная квартира. В режиме её прежнего образа жизни, а главное – образа работы, вполне хватало. Но чужой человек сейчас же?! Немедленно? А отдышаться? Понять и сформулировать наконец, как она относится к Мусе... Тьфу ты! К дочери.

Когда Ельский впервые – сразу после операции – принёс ей малышку и даже приложил к груди, она... не испытала ничего. Кроме боли. Боли внизу живота. Боли в сосках. Некий истеричный подъём был, но он тут же сменился холодным профессионализмом. Новорождённая здорова? Здорова. Рефлексы? Тань, ну общий комбинированный наркоз. Ты же сама не захотела эпидуралку. Конечно, рефлексы слегка понижены. Завтра будут в норме. Лучше посмотри, какая она красивая... Боже мой, это точно Владимир Сергеевич Ельский?.. Вова, красивая? Все младенцы красивые!.. Все, Тань, да не все!.. Ок, здоровая, красивая, молозива лизнула – уноси. На грудное вскармливание нечего было и надеяться. Этот вердикт Ельского подтвердила Марго. Более квалифицированных health care provider with special breastfeeding competence⁸ было не сыскать. Это тебе не тётка с дипломом учкудукского техникума первой помощи отмороженным сусликам, бьющаяся в экстазе об документы ВОЗ, написанные специально для субсахарияльной Африки, где риск умереть от голода всё ещё выше, чем риск умереть от ВИЧ или гельминтозной инвазии. Заведующий отделением неонатологии и детской реанимации, равно как и старшая акушерка обсервации были яркими сторонниками грудного вскармливания. Но с Мальцевой всё было понятно сразу. Мучить несчастную грудь, а заодно и младенца не было никакого смысла. Тем более, уж что-что, а гнездоваться Татьяна Георгиевна не собиралась. А если и собиралась – разве что в кабинете

⁸ Верно с английского на русский это можно перевести так: медицинский работник, специализирующийся на грудном вскармливании.

начмеда. Уже в её, а не Панина кабинете. Возможно, донорское молоко? На подобное Ельский отреагировал резко отрицательно. И притащил статью, где жирно было отмечено ядовито-малиновым маркером: *Many healthy breastfeeding women wishing to donate breast milk have potentially pathogenic bacteria in their milk*⁹. И поинтересовался: настолько ли глубоководно уважаемая Татьяна Георгиевна, врач акушер-гинеколог высшей квалификационной категории, лишилась рассудка, что собирается вскармливать своё дитя чужим гнойным грудным молочком, или это временный гипоталамический стресс родившей самки и разум в виде применения сбалансированных, безопасных для здоровья ребёнка смесей таки победит? Разум победил. Аллилуйя! Хотя Мальцевой совершенно не было жалко своих сисек и она была готова на любые эксперименты. Маргарита Андреевна, пару раз эти самые сиськи тщательно прощупав, выдала окончательный диагноз: «Ни красоты особой за ними никогда не водилось, ни теперь ребёнку пожрать!» Резюмируя: Татьяна Георгиевна постоянно ловила себя на безукоризненно-ментальном подходе к выношенной и рождённой ею дочери. И её это немного расстраивало. Не слишком. Нужно время. А вот суровая бытийная необходимость: остаться с дочерью наедине – Мальцеву ужасала. И времени на подавление паники не было.

Домой Татьяну Георгиевну отвёз Панин. Больше, как выяснилось, некому. Нет, любая роддомовская машина «скорой», любой сотрудник были бы рады. Но вот чтобы родных и близких, чтобы от души... Марго? Как две старых лесбиянки. Да и дела у Маргариты. Работа, дочь, заморский жених. Она конечно же явилась с предложением, которое больше было похоже на требование. Но Татьяна Георгиевна категорически отказалась, вызвав гнев подружки. Ничего. Погневаётся – и остынет. Но вот чтобы правильно, как положено, как нормальную женщину, ставшую матерью, – выходит, что и некому. Денисов, правда, приходил к ней в послеродовую палату. С букетом цветов и немой вопросом в глазах. Она лишь отрицательно покачала головой. И он тут же ушёл. Снова. Это повторялось с тех самых пор, как беременность стала заметна. Немой вопрос. Отрицательный ответ. Мальчишка он и есть мальчишка. Пусть ему уже двадцать шесть и он уже не интерн, а ординатор отделения гинекологии. И чего ходит? Впрочем, признаться честно – ей это приятно. Не такой уж и мальчишка. Да и вопрос, хоть и немой, но не слюнявый, не плаксивый. Нормальный такой сдержанный немой мужской вопрос.

Но нельзя эксплуатировать чувства и подавать ложные надежды.

Нельзя, потому что нельзя!

Так что остался только Панин. С ним уже давно всё можно, потому что можно. Хоть сто раз на душе от этого если не гадко, то, как минимум, противоречиво.

Прежде Панин и Марго закупили всё необходимое. Мальцева и об этом не успела позаботиться. Потому что до самого последнего дня – да-да, до самых схваток! – была действующим начмедом. Там, в кабинете, и схватило. Никогда не думала, что схватки – это так больно! Тысячи... Да какое там! Сотни тысяч раз – если уточнить в архивных журналах родов да умножить на не единожды сказанное в каждом – говорила она женщинам: «Терпите! Дышите!..» А как у самой схватки приключились – так чуть не обделалась от ужаса. Вот уж где ирония так ирония!

Так что Мальцеву с ребёнком из роддома забирал Панин. Для них троих – мужчины, женщины и дитя – это было вроде как логично. А для всех остальных? Замминистра свою старую любовницу забирает из родильного дома с приплодом от неведомо кого? Вот это дружба! «Высокие... высокие отношения!.. – Нормальные – для духовных людей!»

⁹ Молоко многих здоровых женщин, кормящих грудью и желающих стать донорами, обсеменено патогенными бактериями (англ.).

Конечно же публику мучительно раздирало чудовищное любопытство. От кого родила? Почему забирает Панин, если все знают, что не от него? И не от интерна. И не от третьего богатого ухаждёра, как-его-там... Или всё-таки от Панина? Да нет, не от Панина. Но Панин так стерву Мальцеву любит, что, может, ему уже всё равно от кого?! Постойте, так у него же вроде роман с терапевтической начмедшей? И он даже от жены ушёл. Но не к Мальцевой же ушёл! И не к начмедше. Просто ушёл, вроде как один живёт...

У нас ведь все всё всегда обо всех знают! А если и не знают, считают чуть ли не святым долгом узнать! Или, как минимум, убедить остальных, что узнали. А что и про кого – здесь, как водится и говорится, вопрос десятый.

Родильный дом гудел. Сплетничала вся больница. За спинами, разумеется. Страшно же! Семён Ильич – замминистра! Мальцева вам тоже не последнее фуфло, мягко говоря. А уж вместе они, что казак с лошадыо: где один шашкой не дотянется, другая копытом добьёт. Но любопытство сильнее страха. Потому чуть не у всех санитарок, акушерок, детских медсестёр и даже иных врачей нашлись срочные дела на первом этаже, в непосредственной близости от кабинета начмеда. Да, в нарушение всех режимов Мальцева переодевалась в кабинете Па... Уже в своём собственном кабинете. И табличка на дверях имела: «Татьяна Георгиевна Мальцева. Заместитель главного врача по акушерству и гинекологии. Кандидат медицинских наук. Доцент кафедры акушерства и гинекологии». Да. Во время беременности её таки добила профессор Денисенко¹⁰. Вернее, прежде Панин добил профессора Денисенко, а уж та – добила Мальцеву. Ходил и ныл, что это за начмед без учёной степени, когда нынешнему поголовью белохалатного молодняка уже сразу после интернатуры дипломы Высшей аттестационной комиссии чуть не на дом приносят. Позор! Татьяна Георгиевна считала позором как раз такие «учёные степени», а не то, что она на пятом десятке не имеет на бейджике три весёлых слова. И не представляла для себя возможным писать кандидатскую диссертацию о ничеге не значащей, фальшивой, подтасованной, никому не нужной ерунде! Так что текст «её» диссертации ей вручила самолично Елизавета Петровна буквально накануне малой защиты. Никакой положенной малой защиты и не было. Собрались на кафедре, чаю попили. В диссертационный совет на большую защиту явилась уже с приличным животом, даже речи не составив. Разве прочитав накануне отпечатанный и разосланный Семёй автореферат «собственной» диссертации. Всем занимался Панин. Панин и Денисенко. Интересно, он ей деньгами отстегнул или борзыми щенками? Или это у профессора просто от страха высоты текущего полёта Панина всё само собой получилось? Даже костюмчик «защитный» Мальцевой Семён Ильич раздобывал. Банкетом, поди, Варя занималась. Или любовница его тогдашняя, терапевтическая. Мальцевой ровным слоем было всё равно. Перепутать глубокоуважаемых членов она не могла и в кромешной тьме – с иными в паре по тысяче километров шовного материала израсходовано. С ними же – и с членами совета, и с официальными оппонентами – спиртных напитков несколько кубов по жизни выпито. Даже если бы она вышла на трибуну и молча простояла там положенные кандидатской пятнадцать минут – они бы и тогда проголосовали единогласно. А она, кажется, даже что-то несла между «глубокоуважаемый Председатель...» и «.. особенно благодарю моего начальника, коллегу и старого друга Семёна Ильича Панина». Хвалебные оды в её честь были куда дольше так называе-

¹⁰ Елизавета Петровна Денисенко – доктор медицинских наук, профессор, заведующая одной из многочисленных кафедр акушерства и гинекологии, располагающейся на базе многопрофильной клинической больницы, где трудятся персонажки. Безрукая климактерическая клуша, пытается командовать, но никто её не принимает всерьёз. Изредка внезапно выступает как порядочный человек и просто хорошая баба – исключительно в бытовых ситуациях. В клинике – полный профан. См. первые «сезоны» сериала, особенно «Роддом. Сериал. Кадры 1–13», кадр третий «Климакс», и «Роддом, или Поздняя беременность. Кадры 27–37», кадр двадцать девятый «Я же его люблю!».

мой защиты. Елизавета Петровна Денисенко даже расплакалась. Её послушать – так они с Мальцевой всю жизнь не разлей вода, лучшие подруги, последние штопанные панталоны – и те пополам. Искренне так несла... Климас, что ли, ещё не совсем отпустил? А уж какие оды Мальцевой слагали на банкете!.. О красоте, об опыте, об уме – именно в такой последовательности. Слава богу, никто не допился до текстов о значимости и глубине «научной» работы. Большею частью тут люди весьма неглупые подобрались. Да и всё равно всех куда больше интересовало интересное же положение Мальцевой. Похоже, что Панин всем глубокоуважаемым членам-корешам намекнул, что от него. Или они сами так решили, безо всяких намёков. Глазки многозначительно закатывали. Мальцевой было интересно посмотреть на старых товарищей-членов (глубокоуважаемых!) в подобной обстановке трезвым взглядом. Чуть не впервые! Это было чертовски забавно! Так что она высидела весь банкет, хихикая, как девчонка. Татьяна Георгиевна получила диплом ВАКа уже в рамочке, уже на стеночке кабинета начмеда. Вместе с табличкой на двери кабинета. Панин расстарался. Мальцеву после всей этой показной диссертационной истории снедал жуткий стыд. Но недолго. Что такого, в конце-то концов?! Да и некогда было обращать внимание на ерунду. Только Елизавета Петровна назойливой мухой жужжала, теперь-де надо докторскую планировать. Раз уж она ей доцентскую должность выхлопотала. Она, как же! Панин. Только зачем?! Теперь ещё и тупоголовых студентов курировать надо периодически. Ассистентские журналы заполнять. Мало ей своих бумаг? Впрочем, за полгода всего одна группа была. Такие девственные содержанием голов и душ юнцы и юницы – обнять и плакать...

Сейчас тут, в кабинете начмеда, и её дитя укутывали. И не какая-нибудь дежурная детская медсестра. Самолично Владимир Сергеевич Ельский, собственными золотыми руками. Под присмотром орлиного глаза Панина. По больнице и так уже заколосилось, что замминистра особую неменяемость проявляет в отношении младенца Мальцевой. Детские медсёстры щедро делились на перекурах с акушерками, операционным персоналом и анестезистками бытийными подробностями, разукрашивая щедрой палитрой бабской фантазии: «Так смотрел на Мусю, та-а-ак смотрел!.. Я её на столике на секунду оставила – за присыпкой потянулась, – так думала, убьёт меня на месте. Так орал!.. Куда же она упадёт, ребёночку трое суток от роду! Так он на меня ещё и за тальк накричал. Что я тут насыплю, а у *его* Му... Ой, девочки! Тут так запнулся, как об стену лбом. Пунцовый стал. Откашлялся и сказал как бы нормальным типа своим обыкновенным деловым тоном, что тальком нельзя, а то у ребёнка Мальцевой возможно возникновение синехий. Следом поправился, что у всех новорождённых женского пола такой риск, если сыпать тальк, не глядя. Никогда и никому я, не глядя, не сыплю!.. Потом ещё и Ельскому выговорил, и тот распорядился: тальк – вон из отделения. Я же Мусе не туда тальк сыплю! Ну и всем другим... Я на складочки!.. Так кем я у Панина только не была. Коровой жопорукой обозвал. А Семён Ильич всегда очень вежливый! Никогда раньше на медсестёр голос не повышал. А тут прям резьбу сорвало! Его ребёнок, точно вам говорю!»

Тальк из отделения неонатологии действительно убрали. Правда, вовсе не по распоряжению Панина. Ельский лично проконтролировал, когда и как детские медсёстры проводят туалет новорождённых. И остался очень недоволен «всеемностью рассыпания» талька. Так что никаких присыпок в порученном ему командованию «телятнике» не осталось. Растворы. Крема. Мази. И жестокий тренинг ухаживающего медицинского персонала. Не то все свою замысленность и заезженность замечать перестали. Адекватность утратили. Это не автоматизм профессионализма. Это – головотяпство! Профессионал себя всегда контролирует во время проведения любой, самой простой и самой рутинной процедуры. Владимир Сергеевич собрал всех медсестёр у себя в кабинете и, не предложив присесть, часа три поучения читал. Тихим ровным голосом, глядя исключительно и только в стол. Что говорило о крайней степени раздраженности шефа.

Мальцева от всего этого приходила в ужас. Не от сплетен, конечно же. Сплетни и сплетни. «Передайте им, что, когда меня нет, они могут меня даже бить!» – крутилось в голове щедро транслируемое из Интернета в ординаторскую обсервационного отделения Настенькой Разовой. Мальцеву шокировало, что даже талк, как выясняется, надо сыпать на младенца с оглядкой. Нет, она и раньше это знала. И сама не раз ставила на вид нерадивым новоявленным мамашам, усердно трусившим крахмальную пыль куда ни попадя. Не раз и не два ехидно советовала им себе между половых губ пудры насыпать, сверху компресс намотать и пару-тройку часов так провести. Чтобы приобрести чувственный опыт. Раз уж не хотят задумываться над возможными последствиями. Но теперь ей придётся обслуживать своё собственное дитя. Родное. Единственное. Неповторимое. Совершенно уникальное. И Татьяна Георгиевна обнаружила, что боится. До головокружения. До состояния, близкого к обмороку, боится элементарных процедур. Ребёнку, оказывается, так легко нанести вред! Где та Мальцева, которая заведовала обсервационным отделением и бодрым голосом на каждом обходе рассказывала будущим и состоявшимся уже мамашам, что дитя – не хрустальный бокал, что соплей его не перешибить!.. Мол, смелее, уверенней! Всё получится! Главное – не бояться!

И вот теперь она медлила исключительно из заячьей какой-то трусости, внезапно овладевшей ею. Вот уже и сама давно готова. И девочка укутана. Марго с цветами. Ещё довольная, но с цветами. Это же Марго! Зачем ещё цветы? И так не палата, а чисто оранжерея пополам с галантереей. Каждый считал необходимым приволоочь начмеду цветы, конфеты, бухло, подарки в виде детских одежек и косметики. Кто из любви, кто из хитрости. Кто на всякий случай. Марго всё это хозяйство Мальцевой домой потом оттарабанила. В три ходки уложились. Ну, кроме конфет и бухла. Это сразу в фонд отделения на правах старшей акушерки конфисковала. Да и что тут скажешь?.. Очень умно женщине после кесарева сечения дарить шоколадные конфеты и алкоголь!

Единственное, что со всей ясностью осознавала сейчас Татьяна Георгиевна, что здесь, в рабочем кабинете, в родильном доме; здесь, где нелегко, и непросто, и неудобно, и никакой зоны комфорта; здесь, куда бы в любой момент не имел полное право ворваться подчинённый или пациент; здесь, где она отвечает за всё – от наличия отвёрток у завхоза до бесценных материнских и детских человеческих жизней; здесь – ей спокойно; здесь – она абсолютно уверена в своих силах, в себе. Необходимость отправиться туда, в мир своей уютной квартиры, где никто не побеспокоит и где она отвечает за единственное, рождённое ею дитя, – пугает, абсолютно вышибает из колеи, лишает возможности мыслить и шевелиться.

Пауза томила, густела, концентрировалась...

– Таня! – не выдержал Ельский, скосив глаза на малышку. – Мусе жарко.

– Ах да... – несколько растерянно оглянулась Татьяна Георгиевна.

Внезапно резко заболело внизу живота. Неудивительно. Она слегка согнулась.

– Давай мне. Куда ей после кесарева таскать?

– Да я сам до машины до...

– Мне давай! – грозно рыкнул Панин.

Владимир Сергеевич ухмыльнулся в его обыкновенной саркастично-надменной манере – или холодной понимающей насмешки было больше обыкновенного? – и молча передал свёрток Семёну Ильичу.

Панин нёс конверт с ребёнком. Как по тонкому льду шёл, а не по коридору. Лицо его при этом сияло, будто чудо увидел и никак насмотреться не может. И чудо никуда не исчезает – вот что удивительней всего.

Сзади шли Мальцева, Маргарита Андреевна и Ельский.

Как сельди в бочку набившиеся в холл сотрудники роддома делали вид, что они тут оказались совершенно случайно или же по срочным делам. Эдакое сборище лиц, натужно изображающих удивление или же сосредоточенность. И у всех – глаза слегка к переносицам. Буратины хреновы!

И только Зинаида Тимофеевна, старая санитарка, работающая здесь с открытия больницы, фактически – роддомовой¹¹, помнящая Сёму и Таньку студентами, интернами-субординаторами, перекрестила широкую спину Панина, кинула на Мальцеву укоризненный взгляд, а затем утёрла слезящиеся глаза полой халата. Марго показала санитарке кулак из-за спины.

– Ой, дурные... – ласково сказала Зинаида Тимофеевна процессии вслед. – Девка славная, красивая получилась, тьфу-тьфу-тьфу на неё! А и чего бы у двух красавцев дочери некрасивой быть?

– Так от кого она у Мальцевой? – толкнула её локтём в бок Вера Антоновна, одна из лучших первых родзальных акушеров.

– Да какая разница! У неё все мужики красивые! И дети – они не от мужиков, а от Бога! Бог – он тоже мужик! И тоже красивый.

– Зинка, пора тебе на пенсию, в богадельню. Ты баба, конечно, здоровая, но голова у тебя ржавеет стахановскими темпами! – расхохоталась Вера Антоновна. – Тьфу-тьфу-тьфу – согласна. На всех троих и особенно на нашу Мальцеву. В таком возрасте – и, слава богу, дочечка здоровенькая. И то счастье. Как она только справляться будет? – покачала головой пожилая акушерка. – Нянек-то, понятно, наймёт. Но всё-таки ребёнку мать нужна.

– Ой! Нужна им мать! Я свою дурищу до пяти лет грудью кормила, до десятого класса уроки с ней делала. И что вышло? Ничего толкового! К тридцати у неё было трое детей от разных мужей, к сорока – неврозы и циррозы, а в пятьдесят она развалина у меня на руках. Свою жизнь надо жить, чтобы всей неизрасходованной любовью щенка не портить. Щенку – миска, половичок, не гадить в хате научить и не пустобрешничать. Вот тогда годная собака вырастает.

– Зинка, совсем ты трёхнулась! Людей с собаками сравниваешь...

– Правда твоя, Вера. Собаки куда как лучше! Если уж и устраивают собачью свадьбу, – ткнула она подбородком в сторону дверей, куда вышла процессия, – то хотя бы чувств вокруг этого не разводят!

– Ну вот! То у неё дети от Бога, то – собачья свадьба.

– А это одно другого не касается, – Зинаида Тимофеевна махнула рукой и пошла в приёмное.

Вера Антоновна покрутила пальцем у виска вслед санитарке и выбежала на крыльцо. Чтобы досмотреть шоу.

Панин галантно усадил Мальцеву на заднее сиденье. В стоящую рядом с ней корзину от коляски торжественно уложил дочь. Марго наклонилась к подруге, поцеловала её в щёку и шёпотом спросила:

– Ты как?

– Не знаю. Вообще ничего не знаю, Марго! Боюсь...

– Ты на лошадях ездить поначалу тоже боялась. А потом научилась.

– То лошади. А то, – опасливо кивнула она на корзинку, – человек!

¹¹ Если есть домовой, то наверняка имеется и роддомовой.

– Да. Человек. И ты – мама этого человека! – строго отчеканила Маргарита Андреевна. И тут же улыбнулась подруге: – Не грусти. Рассмешу. Знаешь, чем отличается лошадь от мамы? Мама не устаёт! Всё, давайте с Богом. Завтра после смены к тебе заеду.

Когда Панин привёз домой начинающую маму с малышкой, у Мальцевой приключилась паническая атака. Сейчас Сёма уедет – и она останется один на один с этим крохотным созданием?.. Трижды она Семёна Ильича выгоняла – и тут же возвращала, не успевал он ещё до машины дойти. Договорились, что пару-тройку дней он поживёт у неё. «Пара-тройка дней» затянулась на месяц. Первую ночь Сёма спал на кухне. Точнее – собирался спать на кухне. Постелил себе на полу. Только улёгся спину выровнять – какой там спать, сейчас опять раздастся рёв! – пришла Танька. Села прямо на пол. Попросила кофе сварить. Расплакалась. Стала жаловаться. И вопрошать – не у него, у потолка, – что теперь со всем этим делать. Это Танька? Точно она?! Панин сварил кофе, налил ей рюмку, обнял, приголубил. Сочувствовал. Но был, признаться, на седьмом небе от счастья! Впервые в жизни он был действительно ей нужен! Танька в нём впервые действительно остро нуждается! По-настоящему. Она и их дочь. Его дочь. Последнее заслоняло для него всё. И когда отдохнувшая минут пятнадцать Мусечка заорала, Семён Ильич как безумный поскакал в комнату.

У Панина прекрасно получалось быть отцом. Или нянем. Разве в таком возрасте нужен отец? Одиннадцатидневным детям нужны высококлассные няни. И у Сёмы всё спорилось. Мыть попу, менять памперс, купать, кормить, носить на руках, играть. Вот с чем там ещё играть?! А Панин гулил, агукал и хихикал как натурально с катушек съехавший. Иногда Татьяна Георгиевна украдкой наблюдала за ним. Никогда прежде она не видела, чтобы человек на человека смотрел с такой любовью. Нет, именно так на неё саму когда-то смотрел Матвей. Но были только она и Матвей. И не было никого третьего, кто мог бы оценить это со стороны. Поэтому так ли это выглядело – неизвестно. А тут здоровый пятидесятилетний мужик под центнер весом смотрит на крошечную трёхкилограммовую козявку! – так, как когда-то Матвей смотрел на неё саму. Некогда её любили. Теперь же Мальцева за такой потрясающей, невероятной, неземной совершенно любовью всего лишь... подглядывает. Так, что ли, получается? Может, у Сёмы и с лактацией бы наладилось, не будь он теперь безвылазно занятой министерской шишкой.

– Посмотрите, какая наша Му-у-усенька краса-а-авица! Самая прекрасная девочка на све-е-ете! – сюсюкал Панин, нежно смывая с головки дочери пену шампуня. – Дай полотенце! – строго командовал он тут же Татьяне Георгиевне. – Нет, ну полюбуйтесь только на папину Му-у-усеньку! – снова завывал он, и, похоже, согласия Татьяны Георгиевны ему вовсе не требовалось.

– Ой, какая наша Мусенька у-у-умница! – токовал Семён Ильич. – Ты видишь, какая она умница?! – он совал пупса Татьяне Георгиевне.

Признаться честно, Мальцева не видела. Как ни смотрела. Красавица – ещё куда ни шло. Ладная, с правильными чертами смешного кукольного лица. Но вот умница?

– Сёма, она не может быть умницей. Она младенец. Она ест, какает, спит вполглаза на ходу и орёт. Бесконечно орёт. Я очень устала.

Как-то само собой, безо всяких инициатив, обсуждений и командного принятия решений вышло так, что Панин стал спать в комнате, рядом с кроваткой малышки. Когда не был в министерстве, разумеется. Мальцева «переехала» на кухню. Даже купила «палаточную» раскладушку. Первый месяц пролетел совершенно незаметно. Особенно учитывая то обстоятельство, что Татьяна Георгиевна вышла на работу всего неделю спустя после выписки. То есть через семнадцать дней после кесарева. И причины тому были рабочие. Ночью ей

позвонила Оксана Анатольевна Поцелуева, временно исполнявшая обязанности начмеда, и сказала в трубку коротко и бесцветно:

– Татьяна Георгиевна, родильница, двадцать шесть лет, третьи сутки неосложнённого послеродового периода, вместе с ребёнком выбросилась из окна пятого этажа. Ребёнок умер. Женщина в реанимации главного корпуса. Состояние крайне тяжёлое. Прогноз неблагоприятный. Меня срочно вызвали. Главврач требует тебя.

Мальцева собралась за две минуты. И уже в такси поняла, что не оставила Сёме даже записки. Он будет волноваться. Кроме того, это непосредственно его дело. При его нынешней должности. И ещё поймала себя на мысли, что сбежала из дому – и радуется. Именно сбежала. Именно что – с огромной радостью. Удрала от своей дочери. Ночью. Не переждав минимального положенного законами сроков – могла бы и стать в позу: «Я в декретном отпуске!» Она же как раз именно что в нём. На бумаге, по крайней мере. И, значит, могла отказаться. И без неё бы разобрались. А самое во всём произошедшем бесчеловечное – другого слова Мальцева и подобрать не могла: она даже не ахнула чудовищности повода, вернувшего её на службу. На адскую службу по адской причине. Неужто ад – зона комфорта Татьяны Георгиевны Мальцевой?!

Но служба – особенно адская – тем и хороша, что себя на ней не помнишь. До себя на службе нет дела. На себя на службе нет времени.

* * *

Анамнез жизни рванувшей из окна с новорождённым младенцем в объятиях с виду был более чем благополучным. Практически образцово-показательным по современным убогим меркам. Папа зарабатывал на пять с плюсом. И мама в ведомостях семейного бюджета ниже хорошистки не скатывалась. Вышколенные благосостоянием детей бабушки исправно водили девочку на музыку, на фигурное катание, на английский язык, в художественную студию и в бассейн. Если из школы дочь приносила четвёрку – мама иронично вскидывала левую бровь и хмыкала через губу. Папа высокомерно, чуть с пренебрежением вскидывал правую бровь. Если девочка чего и боялась в этой жизни, то вовсе не голода, холода и отсутствия модных тряпок. Она испытывала самую тяжёлую, запущенную разновидность страха, которой могут заразить только искренне любящие близкие люди: не оправдать возложенных на тебя надежд, не отработать должным образом затраченных на тебя усилий. И с возрастом течение душевного расстройства становилось всё более тревожным. Потому что у неё не оказалось музыкальных способностей. И к пятнадцати годам чемпионки, срывающей олимпийское ледовое золото, из неё не вышло. Английский язык она знала неплохо и даже могла написать стишок в подражание Роберту Фросту. Но только – в подражание. Кувшин с яблоками, голову и капитель – могла нарисовать. Вполне терпимо. И сделать копию «Утра в сосновом бору» или даже «Постоянства памяти». Особенно успешной выходила копия «Чёрного квадрата». Но своей собственной живописной манеры у девчонки так и не обнаружилось. Поскольку во сне ей являлись кошмарные вскинутые брови. Левая. И правая. Живущие своими независимыми друг от друга жизнями. Левая бровь вела жизнь ироничную. Правая – высокомерную. Иногда они садились выпить чаю за столик насмешливости. Она даже как-то нарисовала свой повторяющийся сон пастелью на листе картона.

– Это что, ранний Дали? – иронично посмеялась Левая Бровь.

– А что-нибудь, кроме римейков, можешь? – высокомерно разошлась в полуулыбке Бровь Правая.

С плаванием тоже ничего особенного не вышло. Хотя таланты были. Но профессиональному спорту надо отдавать всю себя. А Брови единогласно не позволяли бросить музыку, художественную студию, коньки и бог знает что ещё и зачем.

После бассейна просыпался безумный аппетит, и бабушки щедро его удовлетворяли.

Потом бабушки умерли. А Брови не позволили дочери самостоятельно передвигаться по городу. Город полон извращенцев и бомжей. Да! Даже для пятнадцатилетней! Особенно для пятнадцатилетней! Всё. Разговор окончен.

Ну и замечательно. И не очень-то хотелось. Школа за углом. Холодильник на кухне.

Еле окончив школу на крепкие тройки и нежизнеспособные четвёрки, девочка никуда не поступила. И на работу не пошла. Потому что умерла Правая Бровь. Которая – отец. И вся невыносимо гнетущая вязкая материнская любовь Левой Брови с ещё большей силой обрушилась на растолстевшую и обленившуюся юную деву. Мать не замечала, что с родной душой что-то не так. Зато в качестве щедрой компенсации – беспрестанно попрекала:

– Кто ж тебя замуж возьмёт, эдакую корову?!

Но тем не менее по-прежнему не позволяла выходить из дому – даже с большей страстью, нежели прежде. Ни на дискотеку с подружками. На дискотеках – извращенцы. Ни в кафе посидеть-посплетничать. В кафешках – подонки. Везде зло. Да и подружек у дочери, честно говоря, совсем не осталось. Точнее – так и не завелось. Талантливый, общительный, спортивный некогда ребёнок превратился в замкнутого асоциального взрослого. Она даже в Интернет не ходила. Потому что и там извращенцы, подонки и зло. На фитнес уже не очень-то и хотелось. Если она хоть вполтину такая безобразная, как иногда плачет мама, – тут уж никакие усилия не помогут. Так какой смысл?

Мама извернулась и выдала дочь замуж. Потому что ожирение и прыщи от отсутствия половой жизни. Так считала мама. Версии, что ожирение – от чрезмерного количества еды, а прыщи – оттого, что дочурка уже давно откровенно наплевательски относилась даже к элементарной гигиене, матерью не рассматривались. Сама мамаша, к слову, выглядела безупречно. Стройная. Красивая. Хорошо зарабатывающая молодая ещё женщина. При должности и ухажёрах. Вот одного из набранных по объявлению она и женила на собственной дочери. Зятьёк был ничего на вид. Смотрел начальнице в рот. Ну и жениться на её дочке – всяко лучше, чем девяносто процентов зарплаты за съёмную квартиру отдавать. После свадьбы они стали пилить несчастную, объединив усилия. Причём мамаша-то, понятно, от большой неисчерпаемой любви. А муж – в подражание теще. Хотя и безо всяких чувств к жене, включая разве что раздражение.

Впрочем, брак пошёл деде на пользу. Она действительно была влюблена. Кто ж не влюбится, когда в атмосфере полной изоляции появляется кто-то тёплый и живой. Дочурка перестала грызть ногти... Часто шиншиллы, живущие поодиночке в клетках у «любителей» домашних животных, начинают грызть себе лапы. И такие любители выбрасывают несчастное создание или под забор ближайшей ветеринарной клиники (в лучшем случае!), или на ближайшую помойку. Или становятся хоть немного профессионалами: покупают своей пушистой милой крысobelке товарища. Желательно – противоположного пола. Так что ветеринары действия мамаша одобрили бы. Дочь стала следить за собой. Немного похудела. Не до маминых размеров идеальной нимфы, но вполне до нормальных стандартов здорового человека. Стала чаще выходить на воздух. И забеременела. Тем более, что мама так этого хотела. Каждый вечер на кухне вопрошала, иронично вскидывая никуда не девшуюся левую бровь:

– Когда ж ты уже забеременеешь? Или ты и этого не можешь?!

И всё в таком духе. При муже. Который как огня боялся тёщи-начальницы. И потому всё раздражение и злость срывал на беззащитной шиншилле. Пардон, жене.

Зато уж когда дочь забеременела, мама так обрадовалась!

– Господи, какая же из тебя выйдет мать?! – всплёскивала она руками с безупречно отполированными ногтями. – Нет, я работу бросить не могу! Кто будет всю вашу бездельную никчемную кодлу содержать?

Упрекнуть маму было совершенно не в чем. Мало того – было бы вопиюще несправедливо. Она заботилась о своей дочери. Она покупала ей самые лучшие фрукты и овощи. Только парную телятину. И где-то раздобывала чёрную икру. Нашла прекрасного акушера-гинеколога по большому благу. Заставляла регулярно посещать консультацию и лично со всем тщанием изучала дочурки анализы. Она очень хотела внука. Первое разочарование постигло будущую бабушку, когда УЗИ принесло в клювике: девочка.

– Будет такая же неповоротливая бездарь, как ты! – выписала мамуля приговор.

У дочери даже не достало ехидства ответить: «Ну что ты, мама! Она вся будет в тебя! Сноровистая и талантливая! Ты же у меня работающая умница, а главное: добрая, аж дух захватывает!» Откуда взяться ехидству у придавленного чувством вины и вечно оправдывающегося, в том числе и за чувство вины, существа.

Всю работу по дому «ленивая» дочь взвалила на себя. Совершенно добровольно и уже давно. Мама могла на голубом глазу, безо всяких рефлексий, «похвалить дочурку» в присутствии своих подружек, званных на кухонные сплетни под бокал вина:

– Золотая девочка! Могла бы горничной в пятизвёздочном отеле служить! Вы видели, как у меня всё расставлено, развешено, разложено? Всю жизнь с домработницами билась. Если не ленивая – так неуклюжая. Если руки из нужного места растут – так уже не домработница, а королева Великобритании!.. Но только вот зачем мы столько сил и труда в её детство вложили? Она же оказалась гениальная, прирождённая служанка! Не стоило и тратиться!

Мама зловеще хохотала, завершив свою победоносную тираду. Приятельницы неловко отводили глаза. Боясь сделать маме ненужное – по их мнению – замечание и стараясь не смотреть на краснеющую беззащитную дочь, выпекающую любимым мамин песочный пирог с абрикосами.

Муж ушёл где-то на седьмом месяце. За это время тёща успела дать ему неплохой старт. Обучила некоторым деловым приёмам. Щедро сдала все карты локтей в мире их узкоспециального бизнеса. Одеда. Обула. Научила фрукты вилок есть и абсент пить безупречно-ритуально. Он вписал в своё резюме опыт работы в солидной конторе, где тёща и была топом, – и привет! Нашёл себе новую службу. И быстро. Ещё и клиентов у тёщи – уже бывшей тёщи – увёл.

Всё это совместное существование матери и дочери не облегчило.

Нет, самое удивительное в этой истории: мать действительно любила свою единственную дочь. И страстно жаждала внука. Или внучку. Какая разница? Она даже плакала по ночам на кухне. Из-за неотвязного чувства, что она явно делает что-то не так. Не так поступает. Не то говорит. Не из-за того, что дочь плохая. Это её единственная дочь! Какая разница, плохая она или хорошая, толстая или тонкая, блондинка или брюнетка, есть у неё мужик или нет и не будет?! Это она так потому, что её собственный муж умер. Она его безумно любила. И если бы не он, то, возможно, она была бы лучшей в мире матерью! Она так не хотела выходить на работу, когда дочь родилась! Она хотела быть рядом с малышкой постоянно. Тетешкать её, лелеять. Нежничать, дурачиться. Разделять бесконечные открытия, и

огромные детские радости, и крошечные ребяческие несчастья. Но муж говорил, что дочь не будет гордиться матерью-домохозяйкой, а когда вырастет – спросит: «Мама, а что ты сделала интересного?» И вот теперь дочь беззаветно любит её. А она не может даже подойти к ней. Не может обнять. Не может поцеловать. Это было так легко – раньше, с маленькой. Отчего же так сложно, так неизбывно-невыполнимо стало сейчас?! Почему вместо утешений из неё, уже стареющей и, значит, умудрённой опытом женщины, вылетают только бесконечные колкости? Почему она вместо того, чтобы обнять свою дочь, вскидывает и вскидывает эту проклятую ироничную левую бровь?! Откуда эта никчемная язвительность?!

Мама плакала на кухне из-за того, что жила не так. Плакала и плакала. Вместо того, чтобы встать, пойти, обнять, попросить прощения, – и пусть уже, чёрт возьми, всё станет так! Но на встать, пойти, обнять и попросить прощения не хватало воли и силы. На такие простые, элементарные действия – не хватало. Ноги наливались свинцом. Руки тяжелели и холодели. И левая бровь начинала нашёптывать: «Да ты для неё!.. А она! Беременная неумеха! Дура без талантов и профессии! Если ты сейчас размажешь нюни по космосу – вам обеим... троим! – кранты! Ты должна быть твёрдой и последовательной!» И мама продолжала сидеть на кухне, продолжала пить водку и глотать горький дым, оставаясь твёрдой и последовательной. И то, что было задумано душой, – стало пустотой, чинилось содержимым ядра: злым порохом, острой картечью, ядовито-промасленной ветошью. И подогревалось до адской температуры. И взрывалось внутри, образуя ещё большие выжженные пустоты, вакуумные лакуны. И часам к четырём утра мама падала в свою постель, шипя и дымясь, как погружённая в ледяную воду едва отлитая чугунная чушка. И больше не было ничего. Затем звонил будильник – и начиналась механическая жизнь.

И дочь плакала в своей спальне. И уже давно не пыталась обнять маму. Боялась. После опыта сотни тысяч прежних попыток. Даже самый бездарный и тупой щенок, самая отъявленная генетическая выбраковка рано или поздно научится команде «Нельзя!». Особенно если применять электроошейник. Дочь плакала потому, что из неё ничего не вышло. У неё всё есть. Но только благодаря маме. И покойному папе. А сама она – ноль. Сколько в неё вложили сил и заботы – всё зря. Она бездарная. И безвольная. И никому не нужна. Муж ушёл, даже не объяснившись. Просто собрал вещи, купленные ему её мамой, – и ушёл. Только один раз виделись после. В день развода. Он ни на что не претендует. А она кто такая, чтобы на что-то претендовать? Ему ребёнок не нужен. Так какой смысл говорить с ним о ребёнке? Который ещё даже и не рождён. На развод муж явился со стройной, красивой девушкой. Милой. Очаровательной. А она была опухшая, заплаканная и с пузом. Развели быстро и равнодушно. Мать потом кричала, что привлечёт его, заставит платить алименты и быть отцом. Не первый раз кричала. К чему привлечёт? Что – заставит? Как можно заставить быть отцом? Зачем?.. Она сама воспитает дочь. Но как она сможет воспитать дочь? Мама постоянно твердит, что матери из неё не выйдет. Какая из неё мать? Она за себя никакой ответственности не несёт и ничего, кроме борщ сварить и мамочкин костюм от Шанель отпарить на весу, ничего и не может. А ребёнок – это решения принимать. Розовый комбинезон или салатный? Сейчас почему именно плачет? Живот болит? Голодный? Прививки – делать или не делать? Хочет собаку – разрешить или запретить? В школу – в математическую или в языковую? А если ребёнок заболеет? Дети болеют! Мамочка вон сколько ночей не спала, когда она сама ещё маленькая болела. А она без мамочки даже не знает, куда звонить, к кому обращаться, в какую сторону бежать. Страшно. Она отлично знает, что такое страх! И никого не хочет больше разочаровывать! Ни маму, ни свою дочь. Ни себя.

Приданое для будущей внучки было закуплено самое лучшее. Коляска, больше напоминающая фантастический космический корабль. Кроватка. Игрушки. Одежки без счёту. Памперсы самых немыслимых конструкций и расцветок «на первое время», заполонившие

всю кладовку. Молочные смеси дорожные. Потому что «не верю я, что из твоих толстых бесформенных сисек хоть что-то выдоится!».

Мама всерьёз готовилась стать бабушкой. Профессиональной бабушкой. Хотя было похоже на то, что готовится стать матерью. Она даже не брала дочь с собой в свои закупочные трипы. После безобидного: «Мама, тебе не кажется, что этот фиолетовый слишком мрачный?» – следовал трёхчасовой концерт в верхних регистрах колоратурного сопрано. И дочь окончательно смирилась. Если после окончательного смирения существует ещё более окончательное смирение, то она оказалась в самом нижнем кругу. Ада. Под самым последним кругом оказался ещё «технический этаж». Для отчаянно смирившихся. Ими всё это адское хозяйство и поддерживают в должных температурных режимах. На всех уровнях.

Был оплачен самый дорогой контракт. В хорошем родильном доме. Одним из самых лучших в городе. И как раз недалеко от дома.

Роды прошли без осложнений. В присутствии мамы. Мама очень мучилась. Дочь её успокаивала и просила вести себя хорошо.

И ничего не дрогнуло в душе у отменного врача Оксаны Анатольевны Поцелуевой. Да, именно она принимала эти совершенно нормальные, абсолютно физиологические роды, приведшие к такому inferнальному результату. В контракте была прописана Татьяна Георгиевна Мальцева. Но она сама находилась в декрете. А роды – дело такое. Начались? Начались. Начмед записан? Начмед. Кто исполняет обязанности начмеда? Поцелуева. Милости просим к станку, исполнять обязанности.

Нормальность ли самого физиологического акта слишком застила ненормальную атмосферу? Или врачи так много видят, что с какого-то этапа уже цветопередача нарушается и обрушивается индуцированная избирательная слепота, как на лошадь в шорах? Видишь главную дорогу? Отлично! Для того и шоры на тебе, чтобы не рыскала!.. А что там в этих семьях, на их боковых дорожках и разветвлённых тропинках... С каждой разбираться – жизни не хватит. И более ненормальные комбинации видали. С одной два «мужа-папы»¹² на роды приходили, хором пуповину перерезали. Это куда уж меньшая популяционная норма, чем нервическая мамаша-командирша, погоняющая и попрекающая дочурку. Чокнутая совершенно баба: с одной стороны – железная леди; с другой – законченная истеричка. Больно дочери – та лишь тихо охает и послушно пыхтит. А мать верещит как оглашенная. Причём ладно бы на персонал – у тех все органы чувств давно лужёные. Так она на собственное дитя орёт: «Ребёнка задушишь!.. Что ты его кислород тратишь?.. Не о себе думай, эгоистичная тварь!..» Да тут любая акушерка-хамка – просто кастрированный закормленный диванный персидский котик!

Или слишком была увлечена Поцелуева своим романом с Родиным? Да мало ли у неё было романов? Это никогда не мешало работе. Что правда, никогда не было таких прекрасных в своей простоте и уравновешенности... Неужели это из колеи выбило? Разве именно это заставило раскрыться, утратить готовность к ударам с любых сторон? Нет! Не может этого быть! Это лекарская зашоренность. Потоксовая замыленность. Врачебный «фак». И никуда от этого не деться. Теперь – всегда с этим жить. Но не укатывая себя в беспросветное покаяние. Нескончаемое чувство вины неконструктивно. Просто: работа над ошибками. Холодный душ.

Можно выписать себе индульгенцию. Родильница не демонстрировала ни одного из симптомов острого послеродового психоза. Она не была тревожна. Возможно – немного подавлена. Но отсутствие послеродовой эйфории и вызванного гормонами подъёма – не симптом. Особенно если нет мужа. Грусть нивелирует эндорфины. Да и темпераменты у

¹² См. «Роддом, или Поздняя беременность. Кадры 27–37», кадр тридцать первый «ЦА».

всех разные. Спутанность сознания? Не было. Совершенно адекватно реагировала. Отвечала на вопросы. Вела себя на обходах уместно и разумно. Бессонница? Ну, всю ночь с ней в блатной палате совместного пребывания Оксана не сидела. Мать сейчас на подобные вопросы не отвечает. Вообще ни на какие не отвечает. Ревёт белугой и головой об стены бьётся. Ревела и билась. Анестезиологи мощно седировали. Сейчас несостоявшаяся бабушка и очень под вопросом мать (учитывая состояние её дочери) – в спасительном наркотическом ауте... Да и если была у родильницы бессонница – так одна только бессонница не патогномоничный¹³ симптом острого послеродового психоза. Нарушение аппетита? Туда же, к бессоннице. Не интересовалась ты, Оксана Анатольевна, сколько и что жрала родильница. По палате пакеты раскиданы. Кухня исправно поставляет заказанное в контрактном меню. Нет, не получается индульгенцию выписать себе, госпожа Поцелуева. Ты как давно последний раз про сон и аппетит родильниц спрашивала? Беременных – ещё да. А вот после родов... Тем более – после неосложнённых. Так что вздрючь сама себя. После – весь персонал на дыбу вздёрни. И чтобы самый юный интерн, чтобы распоследний студентка теперь и про сон, и про аппетит как «Отче наш» расспрашивал в утомительных подробностях!.. Никогда не знаешь, что окажется диагностически значимым. Или не окажется. Но не тебе решать. Твоё дело – качественно работать. Ты не имеешь права хоть что-то считать не важным!.. Галлюцинации? Вот этого точно не было. Точно ли? А ты её спрашивала? И как об этом спросишь? Как одnogруппник-дуралей когда-то, на цикле психиатрии на четвёртом курсе: «Итак, уважаемый, какая у вас мания?» Ну да, одnogруппнику для сбора анамнеза выделили кондового параноидального шизофреника. В светлом промежутке. А он шизофреник только в психушке. «По гражданке» – он доктор математических наук. Так что, будучи в холодном состоянии, он детально расписал одnogруппнику и свои мании, и клинические проявления всего спектра шизофренического многообразия. Интересней и доходчивей, чем в учебниках. Но спрашивать у галлюцинирующего, будучи уже и.о. начмеда: «Итак, уважаемая, какие у вас галлюцинации?» – глупо. Потому что для галлюцинирующего его воображение – реальность. Так что следует замечать. Но нечего было замечать за нормально родившей здорового младенца двадцатилетней девчонкой! Кроме некоторой общей угнетённости. Вот и надо было на неё внимание обратить! А не гонять по отделению невероятно деловой колбасой, изгибая насмешливо-высокомерно брови в разные стороны по разным поводам! Шапка Мономаха, Оксана Анатольевна, на ушах не висла оттого, что ты тут таким важным гоголем рассекала?.. Но, справедливости ради: никаких бредовых идей в отношении себя и новорождённого родильница не высказывала. Маниакальные проявления отсутствовали. Самооценка была адекватна. Разве можно считать неадекватной самооценкой рефрен: «Мамочка, помоги мне её перепеленать, я боюсь!»? Вот мамочку мамочки можно было признать неадекватной. Коршуном бросалась, вырывая у единственной – как выяснилось – дочери её новорождённое дитя. А кто видел адекватных бабушек?.. Да и не возникают острые послеродовые психозы так рано! Это не типично! Это – атипично! Ну, четвёртая неделя после родов. Ладно, вторая... Но третий день?! Была не замеченная никем прежде тяжкая психическая патология? Или не тяжкая, но роды сработали как триггер – и добро пожаловать в мир каскадно съезжающей крыши!

Да, сильно ты себя успокоила, Оксана Анатольевна... Пойди к зеркалу, повтори ему вслух: «Ты ни в чём не виновата. Тебе нечего было подмечать, потому что никаких угрожающих звоночков не было!» Помогло? Нет. А что может помочь, если во вверенном тебе учреждении на третьи сутки послеродового периода совершенно здоровая молодая мамочка

¹³ Патогномоничный – особенный, специфический, показательный, диагностически решающий, характерный только для конкретного состояния.

выбрасывается из окна люкса пятого этажа. С младенцем наперевес. Трёхдневный человек всмятку. Женщина в реанимации в критическом состоянии.

Грызла себя Поцелуева не слишком долго. Всплакнула в кабинете, а тут и Мальцева приехала. И закутилось-понеслось. Привели в себя мамашу девчонки, уже, увы, не бабуленьку. Допросили с пристрастием. Насколько это было возможно в данной ситуации. Но Мальцева, и Поцелуева, и реаниматолог были достаточно опытными людьми, чтобы на основании даже скудной информации делать некоторые вменяемые выводы. На родильном доме повис большой косяк. Грозили санкции. И совершенно справедливые.

Но состояние женщины – слава богам реаниматологии! – из критического стало крайне тяжёлым. А в течение суток – и тяжёлым. Забрёзил благоприятный прогноз.

– С начмедов ты не вылетишь, – констатировал главный врач, глядя на Мальцеву. – А тебя с исполняющего обязанности попрём! – строго зыркнул он на Поцелуеву. – И высшую категорию с тебя сдерут, уж будь готова! – Оксана молча кивнула. – Это хорошо, что ты не оправдываешься.

– В каком месте я тут могу оправдаться? – мрачно пробубнила Поцелуева.

– В этом месте, в этом кабинете ты точно не оправдаешься! Но нюни мне подобрала и вместе со своей шефиной клинразбор чтобы написали – не придерёшься! Вам на министерском ковре и стоять. Со мной. Хорошо хоть... – он сделал нелепое движение плечом в сторону Мальцевой и, немного споткнувшись, продолжил: – Хорошо хоть у нас «своя рука» в министерстве. Панин дело и будет рассматривать. Он не прокинёт. Другой бы так взгрел, что на всю жизнь никому мало бы не показалось. И был бы прав!

– Ты, Григорий Васильевич, не шуми, – подала наконец голос Мальцева. – Тут и без тебя все себя казнят.

– Да толку от ваших... козней! Казней, – он невольно хихикнул. – Хорошо, баба не умерла. Раз до тяжёлого дотащили, значит, уже и не умрёт. Или – нехорошо. Даже не знаю.

– Да типун вам на язык! – ахнула Поцелуева, забыв о субординации. – Чего же тут «нехорошо»?

– А ты бы, Засоскина, как жила, зная каждое мгновение каждой клеточкой мозга, каждой митохондрией тела, что своё дитя собственноручно об асфальт шваркнула?! Что ты вскакиваешь? – Он жестом осадил Оксану Анатольевну, которая уже собралась выпалить что-то гневное. Она села и внезапно разрыдалась, как маленькая девчонка, взхлёб. Как будто не была она четырежды замужем, не была грамотным врачом, не плакала тихо и незаметно в кабинете. Как будто никем не была и ничего не умела. Рыдала несчастным маленьким человеком, не властным ни над чем. Даже над собой.

Мальцева молчала. Григорий Васильевич налил стакан воды. Подал Оксане.

– Возьми себя в руки немедленно! – рыкнул. – Для родильного дома и больницы хорошо, что она выжила, – продолжил главный врач, понизив тон. – А вот для неё самой – не знаю. Я бы с таким жить не смог. Или смог. Понятия не имею. И понятия иметь не хочу!

Главврач подошёл к окну и тяжело вздохнул. Некоторое время была вязкая густая тишина.

– Ладно! Что тут разводить... Работаем. Ты, Татьяна Георгиевна, давай кого-то вместо Поцелуевой теперь исполняющим обязанности выдумывай. Родина?

– Нет. Я сама. Выхожу на работу.

– Мальцева, у тебя ж ребёнку...

– Если уж я родила, то теперь с ребёнком ничего не случится! И не буду я в декрете прятаться, когда в моём родильном доме такое творится!

– Суворов грёбаный! – хохотнул главный врач. – Хотя сдаётся мне, что ты, Танька, собираешься прятаться в родильном доме от новорождённого младенца. У тебя синдром военного времени! Тебя страшит мирная жизнь! – стал он как-то странно ухаться соевой.

И на всех присутствующих вслед за ним напал приступ истерического хохота. Такое бывает. Хорошо, что этого никто не видел и не слышал. Было три часа ночи. Кабинет главного врача находится в административном крыле главного корпуса. Где в это время никого нет. Разве что какого незадачливого студента занесёт. И он ещё долго будет слышать этот зловещий приступ группового стога, что у нас компенсаторной реакцией гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой системы зовётся. И – или перестанет слышать. Или отправится перепродавать перекупленное. В бизнес, иными словами. Потому что далеко не все могут с этим жить. И не только жить – но и продолжать работать. Делать своё дело, пусть и слегка утратив слух от не единожды травмированных перепадами собственного несовершенства барабанных перепонки. Но хлестанёт тебя кучер-боженька с оттяжкой по гордыне – и встрепенёшься, соберёшься и идёшь. Пока можешь идти.

В пять утра Мальцева тихонечко открыла дверь в свою квартиру. Панин вышагивал с младенцем Мусей в руках и мобильным телефоном, прижатым к уху.

– Зззнаю я про чепэ! – шипел он, покачиваясь в ритм. И шипения его были слегка в ритме колыбельной. – Зачем вы меня будите? Выслужиться хотите больше всех или через мою голову перепрыгнуть?! Это мой роддом! Утттр – ОМ!.. Секретари херовы! – это было уже пояснение для Мальцевой. Он швырнул телефон на пол. Муся закричала. – А-а-А! А-а-А! Ты-ы-к-А-к?!

– Панин, не выражайся при ребёнке!

– Ты за собой, главное, смотри! – ласково прошептал Семён Ильич, укачивая дочь.

Татьяна Георгиевна прошла на кухню не разуваясь. Она не знала, плакать ей или смеяться. Где-то рядом было огромное горе. Совсем близко была её новорождённая дочь. Панин-папа был безумно умиротворён.

– С бабами о работе не будем?

Мальцева отрицательно покачала головой.

– Тебе сварить кофе?

Татьяна Георгиевна кивнула.

Семён Ильич, одной рукой ловко удерживая малышку, другой достал турку, банку, чайную ложку. Насыпал две ложки кофе, включил газ, поставил турку на огонь. При этом не прекращая укачивать Мусю. Мальцева внимательно смотрела на него.

Кофе подошёл. Панин привычно, трижды, повторил процедуру поднятия «шапки». После чего опустил в кофе указательный палец. Ойкнул. Снял с крючка небольшую кастрюльку. Набрал в неё воды, отвернув кран до упора на холодную. Поставил в кастрюльку с холодной водой турку. Затем нажал на кнопку электрического чайника. Достал бутылочку с соской. Раскрутил. Чайник отщёлкнул. Панин ошпарил бутылочку кипятком. Налил туда остужённый крепкий чёрный кофе без сахара. Завертел крышечку. И несколько капель вылил себе на предплечье. И затем поставил соску с кофе перед Мальцевой. Она закурила. Отвинтила крышку. И щедро захлебнула первую затяжку тёплым кофеком.

– Не кури при ребёнке! – строго осадил Татьяну Георгиевну Панин. Затем уставился на бутылочку с кофе. – А что это я сделал, старый мудака?!

– Не выражайся при ребёнке!

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. Нормальным здоровым смехом нормальных здоровых людей. Разве что слегка уставших. Муся обиженно заревела.

До самого утра они поочерёдно носились с дочерью.

И к рассвету Мальцеву отпустило. Она вдруг чётко осознала. Даже нет, не так... На неё *снизошло*. Муся – её дочь. Она её любит. Ей всё равно, от кого она, какая она, кто она.

Откровение было мощным. Напрочь лишённым эйфории. Мощным, ясным, коротким – и навсегда. Если Бог есть – Он разговаривает с людьми именно так. Без слов. Без мыслей. Без ощущений. Просто сразу транслируя совокупность всего прямо в душу.

Мальцева поняла, что такое любовь.

О, если б слово мысль мою вмещало, —
Хоть перед тем, что взор увидел мой,
Мысль такова, что мало молвить: «Мало!»

О Вечный Свет, который лишь собой
Излит и постижим и, постигая,
Постигнутый, лелеет образ свой!

Круговорот, который, возникая,
В тебе сиял, как отражённый свет, —
Когда его я обзрел вдоль края,

Внутри, окрашенные в тот же цвет,
Явил мне как бы наши очертанья;
И взор мой жадно был к нему воздет.

Как геометр, напрягший все старанья,
Чтобы измерить круг, схватить умом
Искомое не может основанья,

Таков был я при новом диве том:
Хотел постичь, как сочетаны были
Лицо и круг в слиянии своём;

Но собственных мне мало было крылий;
И тут в мой разум грянул блеск с высот,
Неся свершенье всех его усилий.

Здесь изнемог высокий духа взлёт;
Но страсть и волю мне уже стремил,
Как если колесу дан ровный ход,

Любовь, что движет солнце и светила¹⁴.

¹⁴ Данте Алигьери. Божественная комедия. Цит. по изд. М.: Художественная литература, 1967/. Пер. с ит. М. Лозинского.

* * *

Откровения живут в нас недолго. Слова – несовершенны. Память об откровениях недоступна разуму. Ощущаются они не корой головного мозга. И лишь след их слегка чувствуется неизведанными глубинными подкорковыми структурами. И пусть движет любовь солнце и светила, чтобы могли и дальше послушными отлаженными шестерёнками катить и катить колесо. По возможности – ровно. А первоначальная, первоосновная любовь уже навсегда в тех, кто испытал её откровение.

В ту странную, наполненную горем и радостью ночь Муся сделала родителям подарок. Она спала три часа подряд! Откровения – очень мощные штуки. Они задевают отражённым светом всех. Особенно – детей и животных.

Муся спала. И упали измождённые Мальцева и Панин рядышком на кровать. И уснули без сновидений и без мыслей.

Но утром шестерёнки закрутились.

И Татьяна Георгиевна Мальцева вышла на работу в своём официальном статусе: заместителя главного врача по акушерству и гинекологии. Работы навалилось выше крыши. Оксана Анатольевна не очень ответственно относилась к ведению документации. Да и смежники её, говоря честно и откровенно, всерьёз не рассматривали. Пресловутый профессиональный снобизм. И не только врачебный. Гляньте в зеркало. Вам отражение ничего не говорит?

До самого вечера наступившего вслед за откровением дня крутилась Мальцева как белка в колесе. Обход. Проверки. Сверки. Подписи. Согласования. Даже в операционную умудрилась загреметь в свой первый последекретный рабочий день. Она просто вышла в приёмное отделение. Перекурить на воздухе. Хотя и нехорошо это для начмеда. Но она спряталась под окнами обсервационного изолятора. И тут к ней подскочила разгневанная женщина. С большим животом.

– Я приехала! – грозно изрекла она. Отдышалась. И собралась. Было видно, что это стоит ей колоссальных усилий – обуять себя. Это вообще самое сложное на свете: властвовать собой. А уж для беременной... – Я приехала! И у меня не какое-то там проходное «воды отошли»! У меня – тупые ноющие боли внизу живота. И кровянистые выделения. Алые кровянистые выделения, – уточнила она строго. – Так что давай бросай сигарету и вызывай мне врача! И чтобы никаких мне «деточка, сейчас, только чаю попью»! Я вам не деточка. И у меня – отслоение плаценты.

– Отслойка плаценты, – машинально поправила Татьяна Георгиевна, затушив сигарету в карманной пепельнице.

– Не важно! Я читала Соломатину. И я знаю, что это – очень нехорошо! Так что мухой – обе ноги там! А ещё у Соломатиной написано: истерик не закатывать и врачам не хамить. Так что вежливо скажи врачам, чтобы немедленно!

Мальцева быстро направилась в приём, бурча себе под нос: «Понятия не имею, кто такая Соломатина, но за “истерик не закатывать и врачам не хамить” – спасибо!» За Татьяной Георгиевной следом, крутя на пальце ключи от машины и охая, поспешила уточкой милая молодая женщина, со всеми признаками продвинутого менеджера на лице и в манерах.

– Быстро УЗИ. И звоните! Разворачиваемся! Смотреть будем в родзале.

Сканирование подтвердило начавшуюся отслойку нормально расположенной плаценты.

Мальцевой не обязательно было самой отправляться в операционную. Но ургентировала Настенька Разова, а она ещё слишком неопытный врач, несмотря на её подвиги¹⁵, так что пусть пока ассистирует. ...Врать нехорошо. Татьяна Георгиевна соскучилась по скальпелю. По атмосфере операционной. В особенности – операционной ургентной.

Уже после операции женщина отзвонилась родне, сказать, что всё обошлось хорошо. И что оперировала её начмед. Которую она поначалу приняла за молоденькую санитарку.

Это удивительно, насколько поздние роды и общая усталость красили Мальцеву. Ей действительно нельзя сейчас было дать больше двадцати пяти. Если, конечно, не присматриваться пристально к положенным возрастом морщинам, не смотреть слишком долго в опытные глаза. А может быть, это вспышка сверхновой любви, произошедшая ночью, так её омолодила? Кто знает. Возможно, всего лишь отменная генетика.

И, разумеется, надо всем реяла необходимость клинического разбора попытки суицида. И Татьяна Георгиевна мужественно отстояла вместе с Ельским в отделении патанатомии на вскрытии младенца. На вскрытии того, что осталось от трёхдневного новорождённого, упавшего вместе с матерью на асфальт с высоты пятого этажа.

Как и в результате любого из ряда вон выходящего случая, необходимо было провести ряд мероприятий. Среди врачей. Среди персонала. И среди беременных, рожениц и родильниц. И поздним вечером в тиши своего кабинета Мальцева положила перед собой тест на послеродовую депрессию. Неловко поёрзала в кресле. Воровато глянула на дверь. Встала. Заперлась на замок. Снова села. Заправила волосы за уши. Взяла маркер. И стала читать:

Эдинбургская шкала послеродовой депрессии.

Шкала разработана для выявления послеродовой депрессии, однако она не заменяет клиническое обследование и заключение врача.

Тест можно проводить в больнице, поликлинике или в домашних условиях.

Необходимо ответить на все десять пунктов.

Ответы не должны обсуждаться с окружающими.

Подчеркните ответ, который наиболее соответствует тому, как вы чувствовали себя в течение последних семи дней (а не только сегодня):

1. Я в состоянии смеяться и видеть смешные стороны жизни:

- Столь же часто, как и всегда;
- Сейчас не совсем столько, как всегда;
- Однозначно меньше, чем всегда;
- Совсем нет.

Татьяна Георгиевна задумалась. А как часто она «всегда» смеялась и «видела смешные стороны жизни»? Да постоянно! Так она что, прежде «всегда» была полной идиоткой? Полные идиоты заведующими отделениями и начмедами не трудятся. Или трудятся? Просто окружающие не замечают их полнейшего идиотизма.

Она отметила *«Столь же часто, как и всегда»*. Хохотала она ночью? Даже два раза! Первый – не в счёт.

2. Я смотрю в будущее с удовольствием:

- Так же, как и всегда;
- Меньше, чем раньше;

¹⁵ См. «Роддом, или Поздняя беременность. Кадры 27–37».

- Однозначно меньше, чем раньше;
- Совсем нет.

«А я всегда смотрела в будущее с удовольствием? Кажется, я всегда – дурацкое “всегда”! – жила только и только в настоящем. Да и бинокля для рассматривания будущего ещё не изобрели. Они хотели спросить “планировала”? Планировала ли я хоть когда-нибудь своё будущее?..»

Но что-то, открывшееся ночью, не отпускало. Она поставила галочку у «*Так же, как и всегда*». Просто потому, что не было варианта: «В любое новое и неизвестное будущее я смотрю с неизбывным удовольствием».

3*. Я виню себя необоснованно, когда что-то складывается не так:

- Да, в большинстве случаев;
- Да, иногда;
- Не очень часто;
- Нет, никогда.

«Ещё один бессмысленный вопрос! Социопатка, никогда и ни в чём себя не винящая, даже если сама целиком и полностью в чём бы то ни было виновата, решительно подчёркивает “Нет, никогда”. Среднестатистическая женщина “русских селений”, обвинив себя в том, что не понимает вопроса, дрожащей рукой пометит “Да, в большинстве случаев”. Что-то в этом вопросе лишнее. Слово “необоснованно”. Нормальный человек не будет себя винить необоснованно... Так и тест – на определение состояния не совсем нормального. Что подчеркнуть? “Нет, никогда”. Потому что в тех самых случаях, когда что-то складывается не так и вина в этом «не так» чётко и ясно обоснованно моя, – я виню себя. Заслуженно!»

Мальцева пометила «*Нет, никогда*».

4. Я тревожусь и переживаю без видимой причины:

- Совсем нет;
- Очень редко;
- Да, иногда;
- Да, очень часто.

«Без видимой причины я не переживаю. А по невидимой – тем более». Секунду помедлив, Татьяна Георгиевна чиркнула маркером у «*Очень редко*».

5*. Я чувствую страх и панику без видимой причины:

- Да, довольно часто;
- Да, иногда;
- Нет, не часто;
- Совсем нет.

Она поняла, что целый день не вспоминала о крохотной дочери. Если бы что-то было не так – нянька бы позвонила. Ей или Панину. А если не звонит – всё в порядке. Мальцева отвлеклась от теста и попыталась проанализировать свою любовь к дочери. Любовь была на месте. И смеялась над попыткой анализа. Как можно анализировать Эверест. Вот он, есть. И он – незыблем. А паникёров не берут в альпинисты! И не стоит путать материнство с психическим заболеванием или отсутствием элементарной гигиены чувств. Распушенностью эмоций страдают клуши, а не матери.

Было жирно подчёркнуто «*Совсем нет*».

«Как будто флаг на горном пике водрузила! – улыбнулась Татьяна Георгиевна. – Не признак ли это паники? Очень похоже на “я не пукну!”»

6*. Я не справляюсь со многими делами:

- Да, в большинстве случаев я совсем не справляюсь;
- Да, иногда я не справлялась так хорошо, как обычно;
- Нет, в большинстве случаев я справлялась достаточно хорошо;
- Нет, я справлялась так же хорошо, как и всегда.

«Нет, я справлялась так же хорошо, как и всегда», – отметила Мальцева. И тут же ещё раз подумала, что тест, надо признать, не очень умён. Потому что ну что это опять за неуместное «всегда»? У неё *никогда* прежде не было ребёнка. И сравнить было не с чем. Разве что с «общей температурой по палате». Она не распустилась, не разожралась, не обсуждает «покаки» и «пописы» на форумах. У неё перерыва в работе и не было совсем. Да и в какой работе!.. А если она с чем и не справляется – так специально обученные люди справляются. За её деньги. И – значит: она справляется.

7*. Я так несчастна, что не могу нормально спать:

- Да, в большинстве случаев;
- Да, иногда;
- Не очень часто;
- Совсем нет.

«Ну и о чём это? Где вариант “полцарства за нормально поспать”?! Это самое моё горячее желание – нормально спать. В коротких драгоценных эпизодах так нечасто и неполноценно выпадающего сна мне снится, что я... сплю и меня никто и ничто не будит. Я сплю, сплю, сплю и никак не могу выспаться. Это как сон о невозможности утолить жажду. Лакаешь из водопада, пьёшь из фонтана, кругом вода – а тебе никак не напиться».

Татьяна Георгиевна хищно глянула на диван и провела жирную малиновую черту прямо по строке «Совсем нет». В подобном ответе было хоть подобие логики. Отсутствие проблемы со сном в её случае было связано с отсутствием должного количества времени на этот самый сон.

«И при чём здесь “несчастна”? Я не несчастна. Возможно, я и не счастлива – в розово-голубом, детско-щенячьем смысле слова “счастье”, но я точно не несчастна!»

8*. Я чувствую себя грустной и несчастной:

- Да, большую часть времени;
- Да, довольно часто;
- Не очень часто;
- Совсем нет.

«Опять двадцать пять. По-разному я себя чувствую. И грустной. И радостной. И не слишком счастливой. Чтобы через полчаса чувствовать себя весёлой и довольной жизнью. Лучше бы они поинтересовались перепадами настроения и их частотой. Ладно... “Совсем нет”. Хотя нет ни одной нормальной женщины, которая в любой момент времени своей жизни была бы “совсем нет” – что до грусти и несчастья. Совсем не грустящая и постоянно счастливая женщина – это уже автомат с газировкой!»

9*. Я так несчастна, что плачу:

- Да, большую часть времени;
- Да, довольно часто;
- Только иногда;
- Нет, никогда.

«А где вариант “крайне редко”? И почему это я должна плакать – а хотя бы и крайне редко – из-за того, что я “так несчастна”? Крайне редко я плачу скорее от бессилия, чем от несчастья».

Мальцева пометила *«Только иногда»*.

10*. Мне приходила в голову мысль причинить себе вред:

- Да, довольно часто;
- Иногда;
- Почти никогда;
- Никогда.

Татьяна Георгиевна решительно прочертила *«Никогда»*. И сказала зачем-то вслух:
– Ага! Вот он, главный триггер!

И перешла к изучению инструкции по подсчёту результата тестирования.

Категориям ответов присваиваются баллы: 0; 1; 2 и 3 в соответствии с тяжестью симптомов.

Баллы в пунктах, отмеченных звёздочкой, считаются в обратном порядке: 3; 2; 1; 0 – сверху вниз.

Общее количество баллов суммируется по всем десяти пунктам.

Количество баллов более двенадцати указывает на большую вероятность наличия депрессии, но не на её тяжесть. В этом случае необходимо проведение полной диагностики депрессии врачом в соответствии с принятыми стандартами определения тяжести заболевания. При количестве баллов от пяти до одиннадцати необходимо провести повторное тестирование через две – четыре недели, чтобы оценить степень улучшения или ухудшения симптомов.

При количестве баллов менее пяти вероятность депрессивного расстройства минимальна. Если женщина набрала менее двенадцати баллов, но получила два или три балла в десятом пункте, следует провести полное психиатрическое обследование.

– Собственно, и считать не буду. Кроме последнего вопроса всё, включая подсчёты баллов, – филькина грамота! Понятно же, что вся суть и зарыта в десятом пункте. Баба так расслабляется по дороге к нему, что нечаянно подчёркивает правду.

Она подняла трубку внутреннего телефона, набрала короткий номер. Немного подождала.

– Анастасия Евгеньевна, зайдите ко мне!

Через две минуты Тыдыбыр уже была в кабинете. Начмед протянула ей незаполненный шаблон.

– Анастасия Евгеньевна, размножьте и раздайте всем женщинам в послеродовом отделении. И у нас. В смысле – в обсервации, – поправилась Мальцева. – И в физиологии. Пусть ответят. Вечером соберёте. Баллы за ними можете не пересчитывать. Во всех анкетах внимательно смотрите только на десятый пункт. Разберётесь. Мне доложить.

– Обязательно, Татьяна Георгиевна!

И Настенька Разова вынеслась за дверь. Исполнять.

Отличная девчонка! Надёжная. Рукастая. Разумная. Кто бы мог подумать...

Мальцева улыбнулась.

Вот чёрт! Умиляется почти тридцатилетней чужой бабе, называя её «девчонкой». Это уже пресловутое материнство, да?

Но открывшееся ей прошедшей ночью было сильнее материнства.

Потому она могла и дальше раздражаться, грустить, умиляться и радоваться. Не понимать Мусю. Не понимать, почему Панин понимает Мусю куда лучше. Удивляться, что за жизнь такая суррогатная – у них с Паниным. Полгода «Божественной комедии» и никакого секса, например...

Но теперь с ней была Любовь. И она отпустила Матвея. Простила и отпустила.

И Панин махнул рукой на то, что она записала Мусю Матвеевной. Что Мария Матвеевна, что Мария Семёновна – один хрен. Семёну Ильичу это было не важно. Да и подрастёт доченька до паспорта – исправит Танькин каприз. Дети очень быстро растут, он трижды в курсе.

– Панин, мы никогда не отдадим нашу дочь в музыкальную школу. И на коньки не отдадим. И в художественную студию она не будет ходить. И в бассейн – ни ногой! – как-то поздним вечером заявила Мальцева, любуясь, как здоровый стареющий мужик играет с девочкой размером с большую куклу в поцелуйчики и обнимашки, – а во что ещё можно играть с полугодовалым младенцем?

– Ладно, – согласился замминистра по материнству и детству, дую своей дочурке в живот под аккомпанемент её залиvistых хохотунчиков. – Только на танцы и конный спорт!

– На танцы с конями?!

– Кстати, она страшная кокетка. Вся в тебя.

– Да? Я уже и забыла, каково оно...

– Это всё равно что ездить на велосипеде. Ты не забыла. Просто твоё кокетство временно пылится в кладовке. Чему я несказанно рад. Может, поженимся?

Татьяна Георгиевна вместо ответа пошла на кухню. Варить себе кофе. Панину она в этом вопросе нынче не доверяла. То он туда вместо сахара молочной смеси насыплет. То медную турку в микроволновку поставит (купил, чтобы разогревать бутылочки, у Мальцевой никогда не было микроволновки). Ей и без «поженимся» было хорошо. Дома. На работе было по-всякому.

Молодую женщину, совершившую попытку суицида, собрали и вылечили. Физически. Ну, более-менее. И выписали в психиатрическую больницу. Потому что уже в отделении реанимации она совершила следующую суицидальную попытку. Очередную – во время реабилитации. И за ней надо было постоянно следить. И, разумеется, лечить психику. Душу.

Но прежде её мать, оставив дочери коротенькую записку: «увидимся в круге девятом», – бросилась под машину. На трассе. Под дальнобойную фуру. Абсолют эгоцентризма. Хочешь убить себя – убей. Не ломая жизнь и здоровье никому другому. Фурщик был опытный. Реакция хорошая. Сумел лечь в кювет, не навредив прочим участникам оживлённого дорожного движения. Несколько месяцев в больнице – и теперь как новенький. Почти.

Дочери прощальное материнское слово не показали. Некому было показывать. Одна из многочисленных попыток увенчалась успехом.

Девятый круг – для обманувших доверившихся и предателей родных.

Ведь вовсе не из лёгких предприятий —
Представить образ мирового дна;
Тут не отделаешься «мамой-тяттей»¹⁶.

И почему крохотной Мусе Паниной нравилась именно «Божественная комедия»?

¹⁶ Данте Алигьери. Божественная комедия. Цит. по изд. М.: Художественная литература, 1967/. Пер. с ит. М. Лозинского.

Да потому что!

О род людской, с тебя довольно quia¹⁷;
Будь всё открыто для очей твоих,
То не должна бы и рождать Мария¹⁸.

¹⁷ Потому что (*лат.*).

¹⁸ Данте Алигьери. Божественная комедия. Цит. по изд. М.: Художественная литература, 1967/. Пер. с ит. М. Лозинского.

Кадр тридцать девятый

Что такое любовь

После пятиминутки Ельский¹⁹ догнал Мальцеву в коридоре. И подsunул ей под нос фото на айфоне:

– Второе мнение есть?

Второго мнения быть не могло. Плотные отёчные багрово-синюшные веки, обильный гнойный секрет, слипшиеся ресницы.

– Вова, ты стал коллекционировать фотографии из дореволюционных учебников и антикварных руководств по кожвену?! Я такой бленнореи сто лет не видела. То есть никогда и не видела.

– Ты, мать, врач! Должна быть не только не брезглива, но и внимательна, и наблюдательна. Ты видела в дореволюционных учебниках и антикварных руководствах такие фасонистые этнические тряпки и прилавки современных супермаркетов? Это мне мой недавний интерн прислал. Вчера в магазине зафоткал. Спрашивает, что делать?

– Это что, его ребёнок?!

– Ты явно тупеешь, госпожа начмед. Зачем бы участковый педиатр фотографировал своего ребёнка в супермаркете. Это уже не говоря о том, что пусть и вчерашний интерн, пусть и окончивший нынешний мед, не довёл бы своё дитя до такого состояния.

– Да. Прости. Это я от ужаса. И что ты ему ответил?

– Ничего. Ответил: «ничего не делать».

Они уже дошли до лифта.

– Подождите меня! – ворвался Аркадий Петрович Святогорский. – Что рассматриваем?

– Любуйся! – Ельский показал ему экран.

– Боже мой! Какая прелесть! Прямо ми-ми-ми! – брезгливо скривил губы анестезиолог. – Ты теперь пациентов в торговых сетях отлавливаешь? А что такого? Молодца! В тяжкую для всей российской медицины экономическую годину волка ноги кормят! А что это двухдневный малыш весь в чём-то буддийском изволит делать у полки с пивасиком? Я бы на его месте поостерёгся пока спиртное употреблять. Антибиотики, печень, все дела...

– Учись, студент! – Ельский кивнул на Святогорского, сделав глазками Мальцевой. – Зубры моментом охватывают и клиническую ситуацию, и бэкграунд. Не говоря уже о диагнозе. Разве что с сутками ты, Аркаша, ошибся. Трёхдневный малыш. Густой гнойный секрет уже присутствует.

Двери лифта раскрылись, Татьяна Георгиевна направилась в свой кабинет. Парочка заведующих не отставала.

– Вы чего за мной хвостом идёте?

– Мне у тебя бумаги надо подписать, – сказал Ельский. Под рукой у него действительно была пластиковая папка.

– Ты только что пятиминутку вела. Почему? Догадался, Штирлиц?! Потому что ты начмед! Нам – бумаги! – Святогорский порылся в кармане халата и вытащил несколько изрядно

¹⁹ Владимир Сергеевич Ельский, врач-неонатолог, заведующий детским отделением и реанимацией новорождённых родильного дома. Один из главных персонажей предыдущих трёх «сезонов»: «Роддом. Сериал. Кадры 1–13», «Роддом. Сериал. Кадры 14–26», «Роддом, или Поздняя беременность. Кадры 27–37».

помятых заявок в операционную. – И мне ещё – кофе! Выйду на пенсию – не забуду упомянуть в мемуарах, что мне заместитель главного врача собственноручно кофе заваривала. Если меня, конечно, отсюда вперёд ногами не вынесут, как Кутузова в Бунцлау²⁰. Что скорее всего!

Вслед за Мальцевой заведующие вошли в кабинет начмеда.

– Кофе! – указала она Святогорскому на агрегат. – Давай свои бумаги, – это уже адресовалось Ельскому.

– Вова, присядь. Я не гордый, как наша Татьяна Георгиевна. Я и тебе кофе изображу. А она пусть твои бумажки пока внимательно читает. Потому что в должностные обязанности начмеда входит помимо всего прочего ещё и что? Пра-а-авильно! Постоянная проверка историй болезни и другой медицинской документации в отношении качества ведения, правильности и своевременности выполнения врачебных назначений и применяемых методов лечения, качества проведения, правильности и своевременности оформления больных! А также руководство работой заведующих лечебно-диагностическими подразделениями больницы согласно утверждённым нормативам!

– Аркаша, даже я должностную инструкцию наизусть не шпарю, – Татьяна Георгиевна посмотрела на старого друга с некоторым ехидством. – Ты что, хотел стать начмедом?

– Да ни в жизнь! Оно мне надо, такой гембель? Но несколько раз исполнял обязанности, врать не буду. Как только какая жопа где – извольте, говорят, Аркадий Петрович, исполнять. А как пару-тройку раз на ковре в министерстве поизображаешь Каменного гостя, которому вместо «здравствуйте, господин хороший!» – сразу молотком по иным частям скульптуры, так инструкции влёт запоминаются. Но и вы ж в курсе, друзья мои, что у меня вообще не голова, а свалка! Помните ли вы, к примеру, что название «гонорея» ввёл старина Гален. Потому что ошибочно полагал, что из уретры у мужиков выделяется не гной, а сперма. «Hone» с греческого – семя. А «rhoia» – истечение. Отсюда и «honerhoia». А о внутриклеточном паразите мочеполовых органов тогда ещё не знали. Так откуда у тебя такая пугающая картинка, Вова? Чай, второе десятилетие двадцать первого века на дворе.

– Ученик прислал, – кратко пояснил Ельский в своей обыкновенной мрачной манере.

– Понятно. У молодого человека ещё не прошёл агрессивный гуманизм, и он гоняет над пропастью во ржи, пытаясь спасти недоумков. Кофе! – он подал Ельскому чашку.

– Ага, – заведующий детской реанимацией принял кофе у куда более старшего заведующего реанимацией взрослой, поблагодарив лишь кивком. – До умеренного социал-дарвинизма надо ещё дорасти.

– Ваше здоровье, друзья мои! – отсалютовал своей чашкой Святогорский и Мальцевой, и Ельскому. И, сделав первый глоток, продолжил: – Вот за что люблю наш узкий круг – так за то в том числе, что наш опыт научил нас существенно ограничивать бессмысленные действия по попыткам уменьшения уровня энтропии. Кистежопые и сиськопёрые чудища некогда вышли из воды и, породив Аристотеля, Галена, Александра Второго Освободителя и Ульянова-Ленина Сифилитика, должны в воду и вернуться. Диалектика-с! Просто ну о-о-очень замысловатая спираль... И чего хочет от тебя твой малыш-ученик?

– Совета.

²⁰ Наш образованнейший анестезиолог Аркадий Петрович Святогорский – см. его историю и истории о нём в предыдущих «сезонах» – намекает, что его ждёт та же участь, что и великого русского полководца Кутузова, скончавшегося 28 апреля 1813 года в городе Бунцлау в Силезии во время освободительного похода русской армии, завершившего Отечественную войну 1812 года. Возможно, мы, русские, и могли бы ограничиться изгнанием Наполеона из наших пределов, но Европа бы обиделась. Этот стяжатель чужих земель всем государствам изрядно поднадоел. А светлейший князь Голицев-Кутузов-Смоленский так и не сподобился умереть в собственной постели в окружении родных и близких. Хорошая судьба, погибать надо на работе, не допустив никого «вздыхать и думать про себя: “Когда же чёрт возьмёт тебя?!”».

– А ты?

– А я не советник. Я – неонатолог.

– Очень чёткая позиция!

– Владимир Сергеевич! – Татьяна Георгиевна подвинула на край стола папку Ельского. – Аркадий Петрович, давайте ваши огрызки.

Зав детским отделением молча встал. Молча сполоснул чашку. Молча поставил её на поднос. Молча забрал свою папку и молча вышел.

– Чего это с ним? – удивился Святогорский, выкладывая Мальцевой на стол заявки.

– Ничего. Такой же, как и всегда. Немногословный и хмурый. Ты – оптимистичный болтун. Ельский – пессимистичный молчун. Во вселенной всё сбалансировано.

– Нет, что-то обречённой обыкновенного. Оно и понятно. Жёны всё моложе. А он – наоборот. Только заношенная, как старый валенок, жена, которая от тебя ничего не ждёт и от которой ты уже ничего не ждёшь, способна сделать мужчину счастливым. Когда-нибудь Ельский к этому придёт. Если прежде и его не вынесут вперёд ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.